

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА
Научный журнал

Т. 12, № 1
2025

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 12, № 1
2025

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА
Научный журнал

Т. 12, № 1
2025

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 12, № 1
2025

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Научный журнал «Проблемы постсоветского пространства» входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 18 июля 2019 г.) по следующим специальностям:

- 5.5.2 — Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.4 — Международные отношения, глобальные и региональные исследования
- 5.2.5. — Мировая экономика (экономические науки)
- 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д. п. н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

• **Андрей Вячеславович Ишин**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

• **Владимир Иванович Аникин**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

• **Леонид Александрович Карабешкин**, к. п. н., Евроакадемия, Таллин, Эстония

• **Евгений Петрович Бажанов**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

• **Балташ Нурмухамбетович Карипов**, д. п. н., Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан

• **Анджей Вержбицки**, д. п. н., Варшавский университет, Варшава, Польша

• **Олег Геннадьевич Карпович**, д. п. н., д. ю. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

• **Светлана Михайловна Гаврилова**, к. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

• **Геннадий Владимирович Косов**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия

• **Майкл Глянц**, Университет Колорадо, США

• **Олег Евгеньевич Гришин**, к. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

• **Андрей Геннадьевич Костяной**, д. ф.-н. н., Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Москва, Россия

• **Лукаш Донай**, д. п. н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша

• **Елена Михайловна Кузьмина**, к. п. н., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примова РАН, Москва, Россия

• **Игорь Сергеевич Зонн**, д. геогр. н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации, водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия

• **Рустам Мамедов**, д. ю. н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

- **Алексей Михайлович Мастепанов**, д. э. н., Институт проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия
- **Николай Павлович Медведев**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д. п. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Лидия Александровна Пархомчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д. э. н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Пётр Иванович Толмачёв**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Сергей Борисович Филимонов**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д. ф. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к. и. н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Александр Андреевич Шириняц**, д. п. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Нарцисс Шукуралиева**, д. п. н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Андрей Юрьевич Шутов**, д. и. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Владимир Владимирович Штоль**, д. п. н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия
- **Валерий Теодорович Юнглод**, д. э. н., Вятский государственный университет, Киров, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2014 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57418 от 27 марта 2014 г. — печатное издание)
ISSN	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель:	Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»
Адрес издателя и редакции:	127576, Москва, ул. Абрамцевская, д. 8А
Типография:	ООО «Издательство "Триада"»: пр-т Чайковского, 9, оф. 514, Тверь, 170034, Российская Федерация
Тираж:	500 экземпляров
Сайт:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Подписано в печать:	30.03.2025
Стоимость одного выпуска:	свободная цена
Подписной индекс:	в каталогах «Урал-Пресс» — 41291
© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0 бесплатно.	

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

Academic periodic journal «Post-Soviet Issues» is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on July 18, 2019).

- 5.5.2. — Political Institutions, Processes, Technologies (Political sciences)
- 5.5.4. — International Relations, global and regional studies
- 5.2.5. — World Economy (Economic sciences)
- 5.6.7. — History of International Relations and Foreign Policy (Historical sciences).

CHIEF EDITOR

- **Sergey S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia

- **Baltash N. Karipov**, Doctor of Political Science, Kokshetaush University, Kokshetaush, Kazakhstan

EDITORIAL BOARD

- **Vladimir I. Anikin**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Oleg G. Karpovich**, Doctor of Political Science, Doctor of Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland

- **Andrej G. Kostyanoy**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia

- **Sergey B. Filimonov**, Doctor of History V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA

- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan

- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Nikolai P. Medvedev**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Andrej V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Alexey M. Mastepanov**, Doctor of Economic Science, The Institute of Oil and Gas problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Aleksandr V. Semenov**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Alexander A. Shirinyants**, Doctor of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Andrey Y. Shutov**, Doctor of History, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Vladimir V. Shtol**, Doctor of Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
- **Peter I. Tolmachev**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Valery T. Yungblud**, Doctor of Economic Science, Vyatka State University, Kirov, Russia
- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology “Soyuzvodproekt”, Moscow, Russia

ISSN:	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Publication Frequency:	Quarterly
Founder:	Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis “The Centre of regional research”
Publisher’s address:	Moscow, 127576, Abramzevskaia str. 8A
Printing house:	Publishing House Triada, Ltd. Address: 9, office 514, Tchaikovsky ave., Tver, 170034, Russian Federation
Number of Copies:	500
Web-site:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Signed for printing:	30.03.2025
Price for a copy:	open price
Index for subscription:	In catalogues of Ural press: 41291
© “Post-Soviet Issues”. All materials are distributed under CC BY 4.0 free of charge.	

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Политика Молдавии в контексте конфликта России и Запада.....	8
---	----------

Сергей С. Жильцов

Украина в фокусе противоборства американоцентричного Запада против России.....	20
---	-----------

Марк А. Неймарк

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Искусственный интеллект как новый фактор энергетической безопасности.....	30
--	-----------

Руслан А. Алиев

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Политическое развитие стран Южного Кавказа на современном этапе.....	49
---	-----------

Лариса М. Алексанян

Ключевые вызовы развития современной Испании: политические и экономические аспекты.....	62
--	-----------

Олег Г. Карпович

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Политика Болгарии в Черноморском регионе с 2007 по 2023 годы.....	73
--	-----------

София Т. Цветанова

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

Moldovan policy in the context of the conflict between Russia and the West.....	8
--	----------

Sergey S. Zhiltsov

Ukraine in the Focus of the Confrontation between the American-Centric West and Russia.....	20
--	-----------

Mark A. Neimark

ECONOMY

Artificial Intelligence as a Key Driver of Energy Security Transformation.....	30
---	-----------

Ruslan A. Aliyev

POLITICS

The Political Development of the South Caucasus Countries at the current stage.....	49
--	-----------

Larisa M. Aleksanyan

Key challenges to the development of modern Spain: political and economic aspects.....	62
---	-----------

Oleg G. Karpovich

HISTORY AND RELIGION

The Bulgarian Policy in the Black Sea region from 2007 to 2023.....	73
--	-----------

Sofiya T. Tsvetanova

Политика Молдавии в контексте конфликта России и Запада

Сергей С. Жильцов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

serg.serg56@mail.ru

Аннотация: современная политика Молдавии в полной мере учитывает геополитические реалии, связанные прежде всего, с продолжением военного конфликта на Украине. В условиях дальнейшей реализации Россией курса на достижение поставленных целей в рамках Специальной военной операции (СВО), молдавская сторона активизировала внешнюю политику, которая направлена на расширение сотрудничества с западными государствами. Прекращение Украиной транзита российского газа через свою территорию дало Кишиневу дополнительный рычаг воздействия на Приднестровье, которое зависит от импорта газа. Политика молдавских властей направлена на оказание давления на Приднестровье с целью реализации политики на снижение самостоятельности Тирасполя и осуществления планов по реинтеграции двух частей страны. Экономическое и политическое давление на Приднестровье осуществляется при фактической поддержке ЕС, который поддержал Киев в прекращении транзита российского газа и не вмешивается в отношения между Кишиневом и Тирасполем. Большую роль в отношениях Молдавии и Приднестровья играет вопрос поставок газа, от которых зависит экономика непризнанной республики и в тоже время, Кишинев. До конца 2024 года Молдавия получала электроэнергию, которая вырабатывалась в Приднестровье на основе дешевого российского газа. Кроме того, с начала 2025 года в Молдавии обострились отношения с Гагаузией, чья позиция в отношении внутривнутриполитического курса и внешней политики вызывает недовольство в Кишиневе. В статье сделан вывод, что политика молдавских властей привела к нарастанию внутривнутриполитического конфликта и усилила геополитическую напряженность в западной части постсоветского пространства.

Ключевые слова: Молдавия, Россия, Запад, Приднестровье, военный конфликт, углеводородные ресурсы

Для цитирования: Жильцов С.С. Политика Молдавии в контексте конфликта России и Запада. *Проблемы постсоветского пространства*. 2025;12(1):8-19. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-1-8-19>

Поступила 15.03.2025

Принята в печать 23.03.2025

Опубликована 30.03.2025

Moldovan policy in the context of the conflict between Russia and the West

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

serg.serg56@mail.ru

Abstract: modern Moldovan policy considers the geopolitical realities associated primarily with the military conflict in Ukraine. In the context of Russia's Special Military Operation, the Moldovan side has intensified its foreign policy, which is aimed at expanding cooperation with the Western states. The decision of Ukraine to stop the transit of Russian gas through its territory has given Chisinau an additional leverage over Transnistria, which depends on gas imports. The Moldovan authorities have two goals. The first one is to exert pressure on Transnistria in order to realize the strategy of reducing the autonomy of Tiraspol. The second one is to implement plans for the reintegration of the two parts of the country. Economic and political pressure on Transnistria is carried out with the support of the EU, which backed Kiev in cancelling the transit of Russian gas and does not interfere in the interaction between Chisinau and Tiraspol. Additionally, the issue of gas supplies plays a big role in the relations between Moldova and Transnistria, as both Chisinau and the unrecognized republic depend on gas. Until the end of 2024, Moldova received electricity generated in Transnistria on the basis of cheap Russian gas. Furthermore, since the beginning of 2025, Moldova has aggravated relations with Gagauzia, whose position regarding the internal and external political courses of the country causes dissatisfaction in Chisinau. The article concludes that the strategy of the Moldovan authorities has led to the growth of domestic political conflict and increased geopolitical tension in the Western part of the post-Soviet area. the Eurasian area has a long-term basis and meets the interests of Moscow.

Keywords: Moldova, Russia, West, Transnistria, military conflict, hydrocarbon resources

For citation: Zhiltsov S.S. Moldovan policy in the context of the conflict between Russia and the West *Post-Soviet Issues*. 2025;12(1):8-19. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-1-8-19>

Received 15.03.2025

Revised 23.03.2025

Published 30.03.2025

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие внешняя политика Молдавии демонстрирует приверженность курсу на расширение взаимодействия с западными государствами. Еще в 2011 году правительство Молдавии приняло постановление, которым министерство иностранных дел было переименовано

в министерство иностранных дел и европейской интеграции – МИДЕИ [1]. В 2014 году Молдавия продолжила курс на евроинтеграцию, «заключив Соглашение об ассоциации с ЕС» [2].

Курс на евроинтеграцию и расширение в целом взаимодействия с западными

странами получил новый импульс после прихода к власти М. Санду (декабрь 2020 г.). С этого периода «Кишинев резко активизировал прозападный вектор внешней политики» [3]. В тот же период, «при поддержке Брюсселя в 2020 г. было завершено строительство газопровода Яссы – Унгены – Кишинёв, который со временем должен был стать одним из альтернативных путей газовых поставок в Молдавию» [3]

В свою очередь, политика Молдавии поддерживалась со стороны западных государств, которые поощряли политические силы, ориентированные на сближение с ЕС и США. Более того, на протяжении длительного времени «Вашингтон и Брюссель не скрывали, что будут добиваться евроатлантической ориентации правительства и парламента Молдавии» [4].

Внешнеполитический курс Молдавии на снижение уровня политического сотрудничества с Россией и расширения взаимодействия с Западом не создавал условий для экономического развития страны. Соответственно «принятая Молдавией евроинтеграционная модель, пока неспособна гарантировать стабильное развитие, необходимое для преодоления исторически унаследованной экономической и социальной периферийности, зависимости от внешних субъектов» [5].

Несмотря на небольшую по территории и незначительный экономический потенциал, Молдавия остается в фокусе внимания западных государств. Кишиневу отводится значительная роль в продвигаемых Западом инициативах по формированию различных «санитарных» кордонов и разделительных линий, которые должны быть созданы на западных рубежах России.

Для ЕС и США роль Молдавии возросла после февраля 2022 года, когда «Россия начала проведение специальной военной операции» [6].

Впрочем, Молдавия проводила курс на углубление сотрудничества с западными странами. В конце 2024 года парламент страны одобрил стратегию национальной обороны на 2024–2034 годы. «Она предусматривает тесное сотрудничество с НАТО и увеличение доли военных расходов до 1% ВВП к 2030 году»¹. Также в документе говорится, что Молдавия «стремится к полной интеграции в военные структуры ЕС, планируя активизировать участие в миротворческих и гражданских миссиях Евросоюза, а тесное сотрудничество НАТО является гарантом безопасности»².

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

На протяжении длительного времени Молдавия получала газ из России, который поступал через украинскую территорию. Поставки не прекращались и после того, как Кишинев не выполнил ряд положений заключенного в октябре 2021 года. контракта с «Газпромом». Несмотря на это, российская компания продолжала поставлять углеводородное сырье в Молдавию. Это было связано, в том числе, и с необходимостью обеспечения энергетической безопасности Приднестровья. Несмотря сохраняющуюся зависимость Молдавии от поставок российского газа, молдавская сторона сохраняла приверженность евроатлантической «солидарности». В частности, Кишинев декларировал курс на поиск альтернативных источников получения газа, а также рассматривал варианты импорта углеводородных ресурсов с европейского

¹ Парламент Молдавии одобрил оборонную стратегию на 2024–2034 годы. 26.12.2024. <https://ria.ru/20241226/parlament-1991535484.html?ysclid=m9lahx47v8954439299> (дата обращения: 21.01.2025)

² Там же

рынка. При этом в Молдавии предпочитали не замечать «неопределённость с перезаключением договора между Россией и Украиной о дальнейшем использовании украинской территории для поставок российского газа в Европу, в том числе в Молдавию» [7].

Между тем, 1 января 2025 года завершался контракт, заключенный в 2019 году между российской компанией «Газпром» и украинской компанией «Нафтогаз» о транзите газа по территории Украины. В соответствии с документом газ поступал в Словакию, Молдавию, Венгрию, Австрию и Италию. Официальный Киев отказался продлевать контракт и таким образом, прекратил транзит российских углеводородов через территорию страны. В последние годы объем транзита составлял порядка 14–15 млрд. м³.

Решение украинских властей стало продолжением долгосрочной политики ЕС, направленной на реализацию антироссийского курса. Используя Киев в своих интересах, Брюссель решил оказать давление на европейские страны, которые несогласны с политикой ЕС в отношении России. В итоге, отказ Киева от транзита российского газа привел к энергетическому и гуманитарному кризису в Приднестровье, обострил ситуацию в энергетической сфере в Молдавии и усилил раскол внутри ЕС. Однако в Молдавии демонстрировали отсутствие интереса к данному вопросу, хотя поставки газа напрямую затрагивали энергетическую безопасность молдавского государства [8].

КИЕВ ЗАПУСТИЛ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Задолго до 1 января 2025 года, когда истек срок действия контракта на транзит российского газа, украинская сторона

заявляла о том, что не намерена продлевать документ с компанией «Газпром». Решение Киева прекратить транзит российского газа было в значительной степени ожидаемым шагом. В. Зеленский последовательно проводил курс на обострение отношений с Россией, демонстрируя при каждом удобном случае свою приверженность поддержке политики Брюсселя, который реализовывал антироссийский курс. Помимо этого, В. Зеленский должен был учитывать расстановку сил внутри страны. Контроль над парламентом и в целом над политической ситуацией поддерживается за счет использования репрессивного аппарата и подавления оппозиции. Соответственно В. Зеленскому было важно показать готовность следовать антироссийскому курсу не только своим сторонникам, но и оппонентам.

В решении украинской стороны присутствовала энергетическая составляющая. Украина поддерживает политику США, которая направлена на дальнейшее вытеснение российских углеводородных ресурсов с европейского газового рынка. В 2024 году доля американского сжиженного природного газа (СПГ) на европейском газовом рынке составила 45%³. При том, что российский газ, несмотря на усилия Брюсселя, Киева и США, по-прежнему поступает в Европу. В 2024 году поставки СПГ из России в Европу достигли 16,5 млн. т, в то время как в 2020 году они составили 10 млн. т⁴. Рост закупок СПГ был обусловлен тем, что европейские страны были вынуждены замещать выпадающие объемы трубопроводного газа. В итоге, несмотря на санкции, Россия расширила поставки СПГ, обеспечивая сохраняющиеся потребности европейских стран в газе.

³ Чижевский А. Поступления СПГ в Европу в ноябре 2024 г. выросли на 7%. 2 декабря 2024. <https://neftegaz.ru/news/spg-szhizhennyy-prirodnyy-gaz/868797-postupleniya-spg-v-evropu-v-noyabre-2024-g-vyrosli-na-7/?ysclid=m9l3og0hm4669488159> (дата обращения: 13.12.2024)

⁴ Там же

В середине 2024 года на Украине допускали возможность продления договора при условии, что контракты на российско-украинской границе заключали бы компании третьих стран. В их числе указывались венгерские, турецкие, словацкие компании. В этом случае права собственности были переданы им, и они прокачивали бы по украинской территории уже не российские углеводороды. Однако затем Киев отказался от данного варианта.

С транзитом российского газа через украинскую территорию был связан вопрос обеспечения энергетической безопасности самой Украины. Как отмечал российский президент Владимир Путин, транзит приносил в бюджет Украины порядка 700–800 млн. долларов⁵. Однако этот довод не принимался украинской стороной в расчет, поскольку бюджет Украины в последние годы в значительной мере формируется за счет поддержки со стороны Запада. Кроме того, Украина получала газ в рамках виртуального реверса из ЕС. Схема предполагала, что часть российского газа, поставляемого в Европу, оставалась в хранилищах страны-транзитера и потом передавалась Украине.

Таким образом, подход Украины к вопросу транзита газа определялся прежде всего политическими факторами. При этом В. Зеленский проигнорировал как потребности украинской экономики, так и энергетические интересы Молдавии и европейских государств.

ПОЗИЦИЯ МОЛДАВИИ

Первоначально Молдавия также не исключала ведение переговоров с Киевом о сохранении поставок российского газа. Затем

Кишинев изменил свою позицию, поддержав антироссийский политику Брюсселя. В то же время Молдавия пыталась договориться с компанией «Газпром», призвав не прекращать поставки газа даже при наличии задолженности в более чем 700 млн. долларов. Российская сторона выразила готовность продолжить прокачку, несмотря на долги, но призвала Кишинев решать вопрос поставок с Киевом, который, в свою очередь, занял жесткую позицию, отказываясь продлевать контракт о транзите. В результате Молдавия, поддержав киевский режим, в начале 2025 года сама столкнулась с дефицитом газа. При том, что в последние месяцы 2024 года страна уже испытывала определенные проблемы. Так, в декабре тарифы на газ в Молдавии выросли более чем на 30% и власти были не готовы компенсировать их населению⁶. Тем не менее, несмотря на надвигающиеся проблемы в энергетике, по сути молдавские власти самоустранились от решения вопросов с энергообеспечением страны, сосредоточив внимание на расширении политических контактов с Киевом.

После прекращения транзита российского газа через Украину и обострения ситуации в энергетике, Молдавия стала обсуждать вариант получения газа через трубопровод «Балканский поток», который является ответвлением от газопровода «Турецкий поток». В этом случае часть газа могла бы доходить до Приднестровья, которое в свою очередь, вырабатывало бы электроэнергию для Молдавии. Однако реализации данного сценария вновь мешает «украинский фактор». Несколько десятков километров трубопровода между Румынией и Молдавией проходит

⁵ Путин: контракта на транзит газа через Украину уже точно не будет. 19.12.2024 <https://www.kommersant.ru/doc/7384585> (дата обращения: 22.12.2024)

⁶ Цена на газ в Молдавии с декабря вырастет на 28%. 29 ноября 2024. <https://www.interfax.ru/world/995164> (дата обращения: 12.12.2024)

по украинской территории. В случае неизменности украинской позиции, поставки газа снова могут быть заблокированы. Выходом из ситуации может стать использование европейских компаний, которые выкупят газ в Турции, и он перестанет быть российским.

В результате Молдавия была вынуждена сама решать вопросы энергетической безопасности и искать альтернативные источники получения газа. В частности, молдавские власти рассчитывали на средства ЕС закупить турбины, которые позволят вырабатывать электроэнергию в условиях энергетического кризиса.

ПРИДНЕСТРОВЬЮ ПРЕДЛАГАЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ УГЛЕВОДОРОДЫ

В В наиболее сложной ситуации оказалось Приднестровье, которое стало заложником политики Киева, Кишинева и Запада. Молдавские власти не стали договариваться с Украиной о поставках газа, что в конечном итоге спровоцировало энергетический кризис в Приднестровье. Еще до прекращения транзита, республика попыталась подготовиться к развитию негативного сценария. С 11 декабря в Приднестровье был введен режим чрезвычайного экономического положения сроком на 30 дней. Документ предполагал экономию газа, создание госрезерва энергоресурсов и запрет на их экспорт. Продажа электроэнергии на внешний рынок могла возобновиться в случае поставок газа. Однако предпринимаемые шаги не предотвратили обострение ситуации в энергетике и в целом в экономике.

Особенность отношений Кишинева и Тирасполя заключалась в том, что получаемый от «Газпрома» газ, Молдавия направляла в Приднестровье – на предприятие Интер РАО «МолдГРЭС». Там вырабатывалась электроэнергия, которая покрывала

до 80% потребностей Молдавии. Ее цена была почти в три раза дешевле, чем предлагала Румыния. В результате, при политическом давлении на Тирасполь, Кишинев все же учитывало тот факт, что Приднестровье поставляет электроэнергию. В свою очередь, республика зависела от поставок российского газа, который шел через территорию Украины. В 2024 году Кишинев сознательно проигнорировал специфику взаимоотношений Молдавии и Приднестровья и пошел на слом сложившего механизма сотрудничества в сфере энергетики. Расчет был сделан на то, чтобы через «газовый вентиль» оказать на Тирасполь экономическое и политическое давление, спровоцировать социальное недовольство и рост безработицы.

После прекращения транзита газа через Украину в Приднестровье начался энергетический кризис. Молдавскую ГРЭС перевели на уголь, но мощностей стало не хватать как для Молдавии, так и для республики. В результате в Приднестровье газ стал подаваться только в многоэтажные дома для приготовления пищи на краткий период времени. Были остановлены почти все промышленные предприятия. В свою очередь Молдавия была вынуждена закупать электричество по высоким ценам в Румынии. В результате к концу января энергетический кризис в Приднестровье обострился. Запасы угля необходимые для работы ГРЭС могли покрыть потребности республики лишь до начала февраля 2025 года.

О желании решить энергетические проблемы Приднестровья заявляла Украина. По-прежнему не соглашаясь возобновить транзит газа через свою территорию, Киев предложил закупать украинский уголь. Однако сырье, предлагаемое Украиной для Молдавской ГРЭС, не подходит по качеству. Для ГРЭС нужен не газовый уголь,

а антрацит, который украинская сторона не предлагала.

По мере обострения ситуации в Приднестровье стала меняться позиция молдавских властей, которые фактически шантажировали Тирасполь. Кишинев стал выдвигать различные условия экономические, а затем и политические условия. На Всемирном экономическом форуме в Давосе премьер-министр Молдавии Дорин Речан заявил, что международное сообщество готово предложить газ, чтобы положить конец энергетическому кризису в Приднестровье, но долгосрочное решение зависит от «вывода российских войск из сепаратистского региона, близкого Москве»⁷.

КИЕВ ИГНОРИРОВАЛ ИНТЕРЕСЫ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Позиция Киева в вопросах транзита российского газа продемонстрировала уязвимость стран юго-восточной Европы в энергетической сфере и одновременно избирательный подход Брюсселя. Исходя из политических соображений лидеры ЕС проигнорировали интересы тех европейских государств, которые получали российский газ. Аналогичную позицию занял и Киев по отношению к Венгрии и Словакии, хотя эти же страны поставляют электроэнергию на Украину. Тем не менее, украинская сторона не стала менять свои позиции, несмотря на то, что Братислава не имеет альтернативных источников получения газа, а поставки из других евро-

пейских стран повысят его стоимость для потребителей. Например, было подсчитано, что поставки газа через Азербайджан увеличат затраты Словакии на 140 млн. долларов.

Еще до прекращения транзита российского газа, европейские компании пытались оказать давление на Киев, рассчитывая заручиться поддержкой Брюсселя. Так ряд крупных энергетических компаний юго-восточной Европы обратились к Урсуле фон дер Ляйен с просьбой продлить транзитное соглашение по транспортировке российского газа через Украину. Свое обращение они аргументировали тем, что прекращение транзита приведет к повышению цен на газ для европейских потребителей. Однако это обращение осталось без внимания, хотя потери стран ЕС от прекращения поставок российского газа на 2025–2026 годы оценивали в 120 млрд. евро⁸.

По мере того, как приближался срок завершения контракта на транзит российских углеводородных ресурсов, Словакия и Украина попытались урегулировать данный вопрос. Украинская сторона предлагала Братиславе 500 млн. долларов из замороженных российских активов⁹. Эти средства, как считали в Киеве, должны были пойти на компенсацию потерь, которые могла понести словацкая сторона от прекращения транзита российского газа. В ответ от Братиславы Украина хотела получить поддержку на членство в НАТО. Словацкая сторона не согласилась

⁷ Кишинев пошел на шантаж: Дадим газ Приднестровью, если выведете миротворцев. 23 января 2025. Подробнее: <https://eadaily.com/ru/news/2025/01/23/kishinev-poshel-na-shantazh-dadim-gaz-pridnestrovyyu-esli-vyvedete-mirotvorcev> (дата обращения: 29.01.2025)

⁸ Потери Европы от остановки поставок российского газа через Украину оценили. 27 декабря 2024. <https://lenta.ru/news/2024/12/27/poteri-evropy-ot-ostanovki-postavok-rossiyskogo-gaza-cherez-ukrainu-otsenili/?ysclid=m918x3hwz6297366410> (14.01.2025)

⁹ Фицо заявил о предложенных Зеленским €500 млн в обмен на членство в НАТО. 21 декабря 2024. <https://www.rbc.ru/politics/21/12/2024/6765dbe99a7947669848ae51?ysclid=m9193639ck669336959> (дата обращения: 23.01.2025)

поддерживать евроатлантические устремления Киева, как и получать средства из замороженных российских активов. В итоге украинская сторона не изменила свою позицию.

Для Венгрии ситуация с поставками российского газа выглядит благоприятнее, поскольку в соответствии с долгосрочными контрактами в 2024 году она получила основные объемы российского газа через «Турецкий поток» и его ответвлениям через Болгарию и Сербию. «В 2023 году по этому маршруту в Венгрию было поставлено 5,6 млрд. м³ газа, в 2024 году – 7,6 млрд. м³. Через Украину для этой страны поставлялся лишь 1 млрд. м³. Поэтому Венгрия вполне может восполнить необходимые объемы через “Турецкий поток”»¹⁰.

В целом «Турецкий поток» и газопровод «Балканский поток» востребованы странами юго-восточной Европы. «В 2024 году поставки газа через газопровод «Турецкий поток» в страны южной и юго-восточной Европы выросли на 23% – до 16,7 млрд. м³»¹¹. С учетом возросших потребности в газе, можно ожидать, что объемы прокачки останутся как минимум на прежнем уровне.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭНЕРГОКРИЗИСА

В наиболее сложной ситуации оказалась Приднестровье, которое географически зажато между Украиной и Молдавией. После прекращения транзита российского газа через Украину, Тирасполь предлагал различные решения, направленные на преодоление энергетического кризиса.

Все они в той или иной мере зависят от позиции властей Кишинева и Киева, которые намеренно затягивали решение вопроса. Тем не менее, для Приднестровья фактически единственным решением энергокризиса является возобновление поставок с Украины или из Молдавии.

Учитывая тесные политические контакты с руководством Молдавии, которое взяло курс на вступление в НАТО, действия В. Зеленского можно рассматривать в качестве поддержки политики Кишинева на реинтеграцию Приднестровья. Этот вопрос не только не снят с повестки дня в Кишиневе, но и постоянно уточняется, исходя из геополитической ситуации, а в последнее время, и проблем в энергетике.

В конце января была обнародована информация о том, что компания Ozbor Enterprises забронировала мощности «Турецкого потока» в объеме 3,1 млн. м³ в сутки для Приднестровья¹². Поставки предполагалось начать в феврале и осуществлять до апреля текущего года. Объем финансовой помощи Приднестровью со стороны России должен был составить 160 млн. долларов. Газ через «Балканский поток» должен был поступать в Молдавию. Однако данная схема была критически оценена в Кишиневе, поскольку по молдавскому законодательству газ в Приднестровье может поставлять только компания «Молдовагаз». В конечном итоге, Приднестровье было вынуждено согласиться с этим требованием, подтвердив готовность оплачивать поступающий газ по коммерческим ценам. При том,

¹⁰ Сийярто: Венгрия считает южное направление главным для поставок газа. 10 марта 2025. <https://tass.ru/ekonomika/23352233?ysclid=m9195kziru750218887> (дата обращения: 10 марта 2025)

¹¹ Шарифулин В. Экспорт трубопроводного газа РФ в Европу вырос на 14% в 2024 году. 2 января 2025. <https://tass.ru/ekonomika/22813363?ysclid=m9197vgucm382447419> (дата обращения: 06.01.2025)

¹² Злобин А. «Коммерсантъ» узнал о варианте поставок российского газа в Приднестровье через Турцию. 22 января 2025. <https://www.forbes.ru/biznes/529274-kommersant-uznal-o-variante-postavok-rossijskogo-gaza-v-primdnestrov-e-cerez-turciu?ysclid=m919btqxz7509237925> (дата обращения: 25.01.2025)

что замена российского газа на альтернативные поставки приведет к росту цен для потребителей в Приднестровье. Однако Молдавия так и не организовала поставки газа.

Прекращение транзита российского газа через украинскую территорию обострило отношения между Брюсселем и отдельными европейскими странами, которые столкнутся не только с ростом цен на голубое топливо, но и будут зависеть от политических решений, принимаемых как в Брюсселе, так и в Киеве.

Для европейских государств решение проблем в энергетике связано с организацией поставок через «Балканский поток» и закупками СПГ. Эти страны фактически не имеют альтернативы российским углеводородам. Им сложно организовать поставки из других источников, включая СПГ. Венгрия считала неприемлемым решение Украины прекратить с 1 января транзит российского газа, поддерживая усилия Словакии по поиску выхода из создавшейся ситуации. В венгерском МИД подчеркивали, что остановка Киевом транзита газа из РФ не соответствует Соглашению об ассоциации между Евросоюзом и Украиной, которое предусматривало сохранение маршрутов поставок энергоносителей. Однако подобные заявления не изменили позиции украинского руководства. На политику Киева не повлияли и угрозы Словакии прекратить подачу электроэнергии на Украину.

ВРЕМЕННАЯ ПАУЗА

В конце января вопрос энергоснабжения еще больше обострился, поскольку европейские страны, а также Приднестровье не могли найти понимание в Кишиневе,

Киеве и Брюсселе. Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан попытался оказать давление на Брюссель, увязав предоставление помощи Украине и поддержку санкций с тремя условиями: восстановить транзит российского газа в Европу, не использовать военные средства нападения» на газопровод «Турецкий поток» и продолжать поставки российской нефти в Европу. Данное заявление было сделано в преддверие заседания министров иностранных дел стран-членов Евросоюза, на котором должен был рассматриваться вопрос о продлении санкций в отношении России на следующие полгода.

В какой-то мере 27 января стало переломным этапом в энергетическом кризисе, поскольку появились первые решения, направленные на его урегулирование. Так, в ходе заседания министров иностранных дел стран-членов Евросоюза Будапешт поддержал продление санкций в отношении России, поскольку, как заявил министр иностранных дел и внешнеэкономических связей Петер Сийярто, «Венгрия получила гарантии энергетической безопасности, которые запрашивала. Европейская комиссия привержена делу защиты газо- и нефтепроводов, идущих в страны - члены ЕС. Она ясно дала понять, что целостность энергетической инфраструктуры, снабжающей страны - члены ЕС, является вопросом безопасности всего Евросоюза. Еврокомиссия также добивается от Украины гарантий сохранения поставок нефти в ЕС»¹⁵. В итоге, формально Венгрия добилась своего. Однако подобные гарантии можно расценивать как временную паузу, которую взял Брюссель, чтобы снизить градус напряженности в отношениях с Будапештом. Как ЕС намерен

¹⁵ Сийярто: Венгрия получила от ЕК гарантии энергобезопасности. 27 января 2025. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22983049?ysclid=m919hr37jz349301575> (дата обращения: 29.01.2025)

обеспечить энергетическую безопасность стран юго-восточной Европы при неизменной позиции Украины, непонятно.

В этот же день был принят еще ряд решений, которые касались Приднестровья. В качестве посредников, которые бы поставляли газ в республику, стали называть венгерские компании MOL и MVM. Ожидалось, что газ может поступить Приднестровье в начале февраля, если Кишинев не выдвинет новых условий. В свою очередь, премьер-министр Молдавии Дорин Речан заявил, что «Приднестровье получит в долг 3 млн. м³ газа, о котором Тирасполь просил ранее, чтобы избежать негативных последствий для энергосистемы»¹⁴. Кроме этого, глава молдавского правительства заявил, что Евросоюз готов покрыть часть затрат Приднестровья. В целом, план решения энергетического кризиса был поддержан ЕС и предполагал предоставление Приднестровью со стороны Брюсселя гранта в размере 30 млн. евро. Кроме того, должна была быть разработана программа энергетической устойчивости, рассчитанная на два года. Она должна предусматривать инвестиции в производство и доставку электроэнергии, а также меры по сокращению тарифов на электроэнергию. Затем «Молдовагаз» и «Тираспольтрансгаз» подписали контракт на поставку 3 млн. м³, которые Приднестровье позже и вернуло.

Пока Венгрия и Приднестровье прилагали усилия для решения энергетических вопросов, Киев и Кишинев вновь подтвердили свою позицию. В ходе визита на Украину президента Молдавии М. Санду глава киевского режима отметил,

что «Украина больше не позволит транзит российского газа через свою территорию»¹⁵. Молдавский президент поддержала эту позицию.

Очевидно, что Брюссель не будет влиять на Киев и Кишинев. Западные страны и дальше будут использовать Украину и Молдавию для оказания давления на Приднестровье, провоцируя энергетические и политические проблемы. В свою очередь, Брюссель будет прибегать к «услугам» Киева и Кишинева, чтобы оказывать давление на те европейские государства, которые выступают против санкционной политики в отношении России.

Ситуация в энергетике ряда стран после прекращения поставок российских углеводородных ресурсов, отражает общий тренд, сложившейся в политике США и поддерживаемый Брюсселем. Вашингтон проводит курс на ослабление экономики Европы, снижение конкурентных возможностей европейской промышленности. Основные усилия направлены на устранения российских углеводородов с европейского газового рынка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политика Молдавии была направлена на поддержку курса Киева и Брюсселя. Несмотря на экономические потери молдавской экономики, Кишинев сознательно поддержал украинские власти, которые прекратили транзит российского газа через свою территорию с января 2025 года.

После сложных переговоров, Приднестровью удалось выработать механизм

¹⁴ Красносельский: Приднестровье вернет Молдавии 3 млн куб. м газа. 29 января 2025. <https://tass.ru/ekonomika/23002467?ysclid=m919jrf23ao226591959> (дата обращения: 02.02.2025)

¹⁵ Додон: Санду поехала в Киев поддержать войну, а не решать энергокризис. 27 января 2025. <https://eadaily.com/ru/news/2025/01/27/dodon-sandu-poehala-v-kiev-podderzhat-voynu-a-ne-reshat-energokrizis> (дата обращения: 14.02.2025)

поставок природного газа. В значительной мере это произошло благодаря кредитной поддержке России. Однако политика Молдавии, направленная на поддержку официального Киева, негативно сказывается

на энергетической безопасности как самого молдавского государства, так Приднестровья и ряда европейских государств, которые вынуждены менять маршруты получения природного газа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Остапел В. Внешняя политика Молдавии: 1991–2014 годы. *Проблемы постсоветского пространства*. 2014;2(2):90-109
2. Малышев Д.В. Политика нейтралитета на постсоветском пространстве. На примере Туркменистана и Молдавии. *Свободная мысль*. 2019;6:183-194
3. Лавренов С.Я. Молдавию встраивают в восточноевропейский «пояс обороны» НАТО. *Обозреватель*. 2022;3-4:23-38.
4. Астахова С.В. Молдавия: парламентские выборы в контексте современных политических реалий. *Россия и новые государства Евразии*. 2019;1:88-102.
5. Быстренко В.И. Молдавия: трудный путь в Европу. *Евразийский союз ученых. Серия: исторические, политические и социологические науки*. 2022;1:4-9.
6. Жильцов С.С. Молдавия в политике Запада: задачи на перспективу. *Постсоветские исследования*. 2024;7(2):134-142.
7. Лавренов С.Я. Направления развития сотрудничества между Украиной и Молдавией. *Постсоветский материк*. 2019;6:91-92.
8. Лавренов С.Я. Энергетическая политика Молдавии: балансирование над пропастью. *Геоэкономика энергетики*. 2022;3:105-120.

REFERENCES

1. Ostalep V. Moldova's Foreign Policy: 1991–2014. *Post-Soviet Issues*. 2014;2(2):90-109. (In Russ.)
2. Malyshev D.V. Neutrality Policy in the Post-Soviet Space. The Case of Turkmenistan and Moldova. *Free Thought*. 2019;6:183-194. (In Russ.)
3. Lavrenov S.Ya. Moldova is Being Integrated into NATO's Eastern European «Defense Belt». *Observer*. 2022;3-4:23-38. (In Russ.)
4. Astakhova S. V. Moldova: Parliamentary Elections in the Context of Modern Political Realities. *Russia and the New States of Eurasia*. 2019;1:88-102. (In Russ.)
5. Bystren V.I. Moldova: The Difficult Path to Europe. *Eurasian Union of Scientists. Series: Historical, Political and Sociological Sciences*. 2022;1:4-9. (In Russ.)
6. Zhiltsov S.S. Moldova in Western Policy: Future Challenges. *Post-Soviet Studies*. 2024;7(2):134-142. (In Russ.)
7. Lavrenov S.Ya. Directions for Development of Cooperation between Ukraine and Moldova. *Post-Soviet Continent*. 2019;6:91-92. (In Russ.)
8. Lavrenov S.Ya. Moldova's Energy Policy: Balancing Over the Abyss. *Geoeconomics of Energy*. 2022;3:105-120. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей С. Жильцов Доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия;
119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
serg.serg56@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov Doctor of Political Sciences, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia;
53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia;
serg.serg56@mail.ru

Украина в фокусе противоборства американоцентричного Запада против России

Марк А. Неймарк

Дипломатическая академия МИД России, Москва,

mark.neimark@mail.ru

Аннотация: мир переживает кризисные системно-переходные трансформации. Асимметрия существующих стратегических потенциалов и балансов сил усиливается по нарастающей. Соответственно расширяется антагонистическая вариативность геополитических подходов к реформатированию мирового порядка. Прежняя конфликтность резко перешла в стадию жесткого противоборства, чреватого стремительным возрастанием взаимозависимых рисков – военно-стратегических, геополитических, геэкономических. Все более контрастно профилируются осевые линии противостояния/противоборства США-Россия, США-Китай, интегрированная Европа-Россия, на которые наслаиваются остроконфликтные размежевания и расколы на Ближнем Востоке. Целенаправленными усилиями объединенного Запада во главе с США вокруг России образовалась опасная военно-политическая дуга. Отчетливо выраженная интернационализация украинского кризиса фактически превратилась в гибридную войну Запада против России. Естественное стремление России, как любой страны, – защищать национально-государственные интересы, укреплять свое духовно-историческое наследие, расширять культурно-цивилизационное присутствие в мире – настороженно и подозрительно воспринимается во властных структурах США и безоглядно ориентирующих на них страны, как некий маргинальный вызов всему человечеству и посягательство на ценностные основы цивилизационного развития.

Ключевые слова: Украина, Россия, Запад, США, гибридная война

Для цитирования: Неймарк М.А. Украина в фокусе противоборства американоцентричного Запада против России. *Проблемы постсоветского пространства*. 2025;12(1):20–29. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-1-20-29>

Поступила 12.01.2025

Принята в печать 25.02.2025

Опубликована 30.03.2025

Ukraine in the Focus of the Confrontation between the American-Centric West and Russia

Mark A. Neimark

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow,
mark.neimark@mail.ru*

Abstract: the world is experiencing crisis systemic transitional transformations. The asymmetry of existing strategic potentials and balances of power is increasing. Accordingly, the antagonistic variability of geopolitical approaches to reformatting the world order is expanding. The previous conflictogenicity has abruptly passed into the stage of a tough confrontation, fraught with a rapid increase in interdependent risks – military-strategic, geopolitical, geoeconomic. The axial lines of confrontation/rivalry between the USA and Russia, the USA and China, integrated Europe and Russia are becoming increasingly contrasting, on which acute conflict divisions and splits in the Middle East are superimposed. A dangerous military-political arc has formed around Russia through the targeted efforts of the united West led by the USA. The clearly expressed internationalization of the Ukrainian crisis has actually turned into a hybrid war of the West against Russia. The natural aspiration of Russia, like any country, to protect national and state interests, strengthen its spiritual and historical heritage, and expand its cultural and civilizational presence in the world is viewed with caution and suspicion by the US government and the countries that blindly orient themselves toward them, as a kind of marginal challenge to all of humanity and an encroachment on the value foundations of civilizational development.

Keywords: Ukraine, Russia, West, USA, hybrid war

For citation: Neimark M.A. Ukraine in the Focus of the Confrontation between the American-Centric West and Russia. *Post-Soviet Issues*. 2025;12(1):20–29. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-1-20-29>

Received 12.01.2025

Revised 25.02.2025

Published 30.03.2025

ВВЕДЕНИЕ

Развитие этих процессов нашли точечное отражение в опубликованной в Париже в 2024 г. книге специалиста по странам Восточной Европы Ж. Бо «Военное искусство России» с красноречивым подзаголовком «Как Запад привел Украину к поражению» [1]. Его насыщенная биография отмечена работой в службе стратегической разведки Швейцарии, руководством доктриной миротворческих операций ООН, участием в реализации программ НАТО на Украине.

Цель книги, – предупреждает он, не представлять хорошие или плохие оценки участникам конфликта, не оправдывать одну

из сторон, а разобраться, что они делают и почему. Осознавая, что в условиях столь обостренного противостояния на Украине сама попытка объяснить мотивы действий России будет восприниматься как ее апология. Вокруг Украины создается немыслимое дезинформационное пространство, постоянно воспроизводимое и подпитываемое центральной идеей западноцентричного нарратива: «Россия не может и не должна победить в этой войне!». Такой подход исходит из понимания войны в логике Запада, игнорируя логику противника. И тогда только «ненависть к России становится движущей силой украинского конфликта» [1].

ПЕРВОПРИЧИНЫ И ОСОБЕННОСТИ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Агрессивная политика Запада против России задала высокий градус отторжения, предвзятости и вражды по отношению к ней и вокруг нее в связи с кризисным развитием ситуации на Украине. Интернационализация этого кризиса, опасная острота другой военно-политической ситуации – на Ближнем Востоке не только спрессовали в тугой геополитический узел накопленные в предшествующий период наиболее чувствительные противоречия и разнонаправленные мирополитические процессы и тенденции, но, и, что особенно важно, обозначили в сфере международной безопасности новые точки отсчета в оценке тесной взаимосвязи и взаимообусловленности геополитических, военных, макроэкономических и ценностных факторов в глобальном пространстве [2].

Конфронтационная острота кризисной ситуации на Украине стараниями США и консолидированного Запада резко «раскачали» более или менее устоявшийся баланс сил не только в европейском регионе, но и во всем глобальном пространстве. Растущая интернационализация украинского кризиса и «украинизация» международной повестки минимизировали качество отношений России и Запада, которые оказались близки к точке невозврата. Не будет оценочным преувеличением утверждать, что на карту поставлено не только будущее суверенной России, но и оптимистические варианты нового мирового порядка. Конкретно выраженная интернационализация украинский событий фактически превратилась в гибридную войну Запада против России [3].

Этот оценочный лейтмотив проходит красной нитью через всю книгу Ж. Бо. В заостренно-критическом формате даже

представлен целый раздел, посвященный особенностям гибридной войны и ее профильным преломлениям на Украине. Опровергается «миф, тщательно подпитываемый Западом», будто Россия повсюду использует технологии гибридной войны в своих геополитических целях. Подчеркивается обоснованность аргументов, выдвинутых президентом В.В. Путиным в интервью французской газете «Фигаро» еще в 2017 году: «Не надо выдумывать мнимые угрозы России, ее гибридные войны, другие призраки того же типа – вы их придумали сами. Вы пугаете сами себя и опираясь на эти придумки, вы пытаетесь обосновать свою политику». Аргументация автора: разработка понятия гибридной войны и его смыслового наполнения уходит своими корнями именно на Запад, «который его использовал в полной мере в ходе подготовки и проведения антиконституционного переворота на Украине в 2014 году» [1]. Глубинную сущность его последствий С.В. Лавров охарактеризовал кратко и выразительно: «ЕС и НАТО давно являются гибридными участниками гибридного конфликта, гибридной войны на Украине» [4], имея в виду и поставки вооружений, и тренировки украинских военных на своих территориях, и помощь в предоставлении огромного количества разведданных, и определение точных целей бомбардировок.

Оценочные позиции Ж. Бо разительно отличаются от тех западных политологов-международников, кто в своих умозрительных построениях доходят до абсурдных утверждений, лишенных какой-либо сущностной и логической привязки к реальности, будто СВО на Украине вызвала волну дестабилизации в мире: военные перевороты в странах Африки, захват Нагорного Карабаха Азербайджаном, возобновление турецко-греческого конфликта [5].

Критическая рефлексия автора, касающаяся причин «украинизации» международной повестки, фокусируется, если кратко изложить ее суть, на том, что руководство Украины делает все возможное и даже невозможное, чтобы убедить США и их наиболее весомых стратегических союзников в том, будто Украина – это «единое целое с Западом». И потому она как бы «вправе» всецело рассчитывать на его помощь и поддержку в самых различных сферах ее внутренней и внешней политики. Конкретно реализуются три взаимосвязанные целевые установки. Первая – концептуализировать в глазах США и их союзников западное направление внешней политики Украины, обосновать ее жестко очерченный антироссийский вектор, «рентабилизовать» его с своих тактических и стратегических целях. Вторая – связана с надеждой довести до властных структур западных стран осознание императивной необходимости своего рода «украинизации» их внешней политики, выведения украинского вектора на более приоритетные позиции. Третья – отражает едва завуалированную претензию руководства Украины на более весомую роль в глобальной политике или, как минимум, в европейском регионе.

В целом же, по оценке Ж. Бо, стратегические цели Украины и Запада «основываются на гипотезах и предубеждениях, которые не подтверждаются фактами» [1]. Он прослеживает эволюцию, которую претерпели установочные цели В. Зеленского, конкретизируя ее в виде нисходящей цепочки: «победа», т.е. возвращение к границам 1991 г. – полный разгром России – ее раздробление и смена режима – запрет на любые переговоры с президентом В.В. Путиным – возвращение утраченных территорий. То есть только лозунги, ориентированные прежде всего

на Запад с целью сохранить его всестороннюю поддержку: «Действия Украины в конфликте продиктованы уверенностью в том, что Запад не позволит ей потерпеть поражение». Это в сущности означает, что «посредством Украины США ведет войну против России», что влечет за собой очень глубокое американское вмешательство в процесс принятия решений в Киеве» [1]. В другом разделе книги Ж. Бо вновь возвращается к этим особенностям украинской ситуации, выражая свою убежденность в том, что в результате «редкой некомпетентности и действий сугубо на основе эмоций и политики, нежели с учетом фактов и военной рациональности, наша [Запада] помощь только ослабила Украину» [1].

Он резко критикует страны Восточной Европы, ставшие членами НАТО после распада СССР, которые «проводят ультра-националистическую и дискриминационную по отношению к русскоязычному меньшинству с нескрываемым стремлением спровоцировать Россию. В целом их членство в НАТО и ЕС является «фундаментальным дестабилизирующим фактором на всем европейском континенте» и даже в самом атлантическом альянсе у них «плохая репутация». В связи с перспективами вступления Украины в НАТО автор делает очень важное замечание о том, что любая страна может выразить желание стать ее членом, но «у альянса нет никаких соответствующих обязательств». В этом одна из причин столь долгих дискуссий внутри него по поводу обретения Украиной членства в НАТО [1].

Пожалуй, впервые в политологических сообществах Запада предпринята столь внятная попытка объективного уяснения концептуальной сути Специальной военной операции России на Украине. Исходная точка отсчета – понимание российской

военной доктрины как логического сочетания ее трех главных составляющих: стратегии, оперативного искусства и тактики. Стратегический уровень обеспечивается концептуально, оперативный – в рамках кооперации и координации, тактический – непосредственно за счет гибкого сочетания военных действий как составной части оперативного маневра. Конкретно-специфический контекст Украины рассматривается Россией как «театр военных действий», а не как «театр войны», что объясняет само название СВО [1].

Такое объяснение органично вписывается в убежденность автора в том, что «стратегическая линия России в целом чрезвычайно прагматична и куда менее догматична, чем западная». Запад испытывает большие трудности с конвертацией своих военных успехов в успехи политические (Алжир, Вьетнам, Афганистан, Ирак, Ливия, Сахель и т.д.). Россия, как и СССР, взявшая за основу формулу Клаузевица, согласно которой война есть продолжение политики другими средствами, опирается на «континуум войны и политики». Конечно, расширение НАТО на Восток вызывает очень серьезную озабоченность России, но главную причину СВО он видит в создавшей прямую угрозу русскоязычному населению Донбасса политике правящих кругов Украины. Отсюда вывод: России важно «трансформировать оперативные успехи в успехи стратегические, а их – в свою очередь – в успехи политические». В отличие от Запада, который настороженно относится к переговорам, Россия «рассматривает саму идею переговоров как неотъемлемую часть войны» [1].

АМЕРИКАНОЦЕНТРИЧНЫЙ ЗАПАД И РОССИЯ: ДВЕ СТРАТЕГИИ - ДВА ВИДЕНИЯ МИРА

США отводит Украине центральную, по определению автора, роль в их

геополитической игре в двух стратегических раскладах: пойти на уступки России, чтобы привязать ее к американоцентричному Западу, ослабляя тем самым Китай; либо ослабить Россию, спровоцировав в ней смену власти, чтобы сделать ее бесполезной для Китая. «И здесь Украина вступает в игру: она должна стать своего рода приманкой для вторжения, которое позволило бы Западу мобилизовать международное сообщество против России». Ошибка западных стратегов состояла в том, что они ориентировались на свои представления и предрассудки о возможностях России, а не на реальные факты. Они убеждали сами себя, что она может только проиграть из-за массивных санкций и международной изоляции. Сказалось и отсутствие у них рационального мышления, поскольку в политике Запада возобладала ненависть к России. Дело дошло до политического курьеза, названного в тексте «милитаризацией искусства», когда в выставочном зале Лондонской национальной галереи известную картину Дега «Русские танцовщицы» 1899 г. переназвали как «Украинские танцовщицы»... [1]

В чрезвычайно важном вопросе о неделимости стратегической безопасности Ж. Бо четко разграничивает позиции ключевых ядерных держав – США и России. Само географическое положение США позволяет использовать Европу в качестве буферной зоны, в то время как Россия напрямую сталкивается с экзистенциальной проблемой своего существования. Именно поэтому Россия всегда ставила во главу угла национальной безопасности сохранение буферной зоны между НАТО и своей территорией для большего пространства на случай конвенционального военного конфликта и тем более его превращения в ядерный. При этом он считает,

что «Россия не столько опасается расширения НАТО как такового, сколько возможностей, которыми могут воспользоваться Соединенные Штаты» [1].

В отличие от России американоцентричный Запад понимает победу только лишь как тотальное поражение противника. Именно поэтому начиная с 2014 г. он стал последовательно пытаться отлучить Россию от участия во всех сколько-нибудь значимых международных форумах. Его неспособность понять суть военной стратегии в том или ином геополитическом контексте оборачивается бесконечными войнами.

Рассматривая через украинскую призму проблематику ядерного оружия, автор четко разделяет подходы США и России. Прежде всего он опровергает как «абсолютную ложь» утверждения ряда западных экспертов, будто Россия в своих обоснованиях применения тактического ядерного оружия уравнивает его с оружием конвенциональным. Фокусируя внимание на том, что именно американцы уже с 60-х годов прошлого столетия активно развивают концепцию использования тактического ядерного оружия в геополитическом отдалении от США – на европейском континенте. Оттуда они могут легко достичь территории России тактическим ядерным оружием, в то время как Россия может достигнуть территорию США только стратегическим оружием межконтинентального действия. И если США сдержанно относятся к самой идее нанесения тактического ядерного удара по России, то это, в первую очередь, связано с опасением начать «стратегическую дуэль с Россией», где со всей очевидностью ожидаем ее «межконтинентальный ответ».

В целом же принципиальное отличие указанных выше подходов автор видит в том, что «Россия предусматривает

применение ядерного оружия только в случае экзистенциальной угрозы для страны, а США позволяют себе использовать его в любой момент» [1].

Ж. Бо доказывает, что Украина и Запад рассматривают украинский конфликт «как пешеход, уверенный в своем праве переходить улицу, не оглядываясь по сторонам». По сути, они исходят из теории «невосполнимого ущерба», означающей упорство в реализации плохого проекта только для оправдания инвестированных в него средств, что чревато катастрофическими последствиями. Объективно, «volens nolens именно мы [на Западе] стали главными виновниками надвигающегося поражения Украины» [1]. Украинцы, похоже, не поняли (или не допускают даже в своих мыслях), что Запад стремится «не столько помогать им, сколько ослабить Россию» [1].

Автор выходит на широкие обобщения, связанные с особенностями и различиями в военных стратегиях США и России. Россия рассматривает войну и политику в органичной увязке; США же – в отрыве друг от друга. Соответственно, Россия воспринимает переговоры как естественную часть взаимосвязанного процесса, США – как отдельный процесс. «Отсюда сдержанность США по отношению к итогам переговоров и даже их несоблюдение в случае подписания». В результате для Запада война превращается в самоцель и ему все труднее выходить из военных конфликтов. Россия же неоднократно оставляла дверь для переговоров, как это наглядно показали события на Украине, что «делает подход России более стратегическим, более продуманным и менее импульсивным, чем западный» [1].

Главная причина преимущества России в украинском кризисе, по мнению автора, в том, что в своих действиях она

опирается на системный, в тексте – холистический – подход. Россия рассматривает конфликт как процесс в отличие от Запада, для которого он представляет собой череду разрозненных действий. «Русские воспринимают события как фильм, мы же [западники] – как отдельные фотографии. Они видят лес в целом; наш взгляд задерживается на отдельных деревьях. Мы абстрагируемся от контекстов, раздражающих нас в ходе конфликтов с нашим участием, суть которых мы не понимаем» [1].

Отмечая, что военная доктрина России постоянно находится в центре внимания многочисленных исследований и плодотворных обсуждений, автор с сожалением констатирует: «Их восприятие на Западе через американскую призму чрезвычайно упрощается и деформируется» [1]. Ж. Бо заимствует у Клаузевица военно-политическое понятие «центр гравитации», сущность которого выражает органичное сопряжение уровней «функциональной критичности, критических ресурсов и критической уязвимости». Экстраполируя его на непосредственные стороны конфликта на Украине, которым он дает разграничивающие их – «по определению» – характеристики. «Центр гравитации Украины в огромной степени зависит от внешних факторов, в то время как России – от ее внутренней политики». Тем самым он фиксирует столкновение двух подходов: для Украины важнее всего внешний успех, продвижение «нарратива победы», рассчитанное прежде всего на западную аудиторию, а Россия «опровергает его своими реальными действиями на земле». При этом, подчеркивает Ж. Бо, «Украина воспринимает сущность центра гравитации в том же ключе, что и западные страны и потому его не контролирует должным образом» [1].

Что же касается России, то целью ее стратегии было и остается поддержание своего центра гравитации, а именно – «сохранение стабильности страны». В отличие от нее вся политическая, экономическая и дипломатическая активность Запада была сфокусирована на поражении России и формировании международной коалиции для противостояния с ней: «Западная дипломатия, сконцентрировалась на мобилизации всех возможных сил против России вместо того, чтобы работать в поисках решения конфликта и достижения мира». А первопричина – «неспособность считывать намерения других или воспринимать их только в соответствии со своей собственной логикой» [1].

Военную стратегию России отличает системный подход к военным действиям, который требует интегративного учета множества факторов в ходе разработки и практической реализации. Именно их совокупность определяет конкретизированную сущность соотношения сил в том или ином военном конфликте. На Западе же оно рассматривается с точки зрения количественных величин, ограниченных сугубо военной сферой. И, что характерно, как и в период кубинского кризиса 1962 г., американцы считают только с силой, причем, «не любят, когда им делают то, что они делают другим». В целом Россия адаптирует свою стратегию к особенностям противника; американоцентричный Запад – к реакции общественного мнения. «Его неспособность адаптироваться к стратегии противника создает асимметричные ситуации, которые оборачиваются против него самого» [1].

Обобщая, он приходит к выводу: внешнюю политику США определяет взаимосвязь культа ложного и недоказанного. Идеология нигилизма, получающая все более распространение в США,

трансформирует сам принцип соблюдения соглашений в нечто отжившее с негативной коннотацией. «Предавать становится обыденностью» [1].

Базовый изъян американоцентричного и западноцентричного в целом подхода Ж. Бо усматривает в оценочном восприятии фактов, тенденций и событий по формуле «определения утки»: если нечто похоже на утку, если оно плавает как утка и если оно крикает как утка – это и есть утка. «Другими словами, достаточно иметь свое представление о чем-то, что соответствует тем или иным существующим предубеждениям, чтобы сформулировать заданную ими оценку ситуации» [1].

Обоснованность оценочных суждений и выводов автора подтверждается отнюдь не в единичных профильных публикациях политологов-международников в странах Запада, включая США. Так, немецкий эксперт П. Эрлер, соавтор книги «Долгий путь к войне» (2024 г.) Г. Ферхойгена, бывшего вице-председателя Еврокомиссии, без тени сомнения констатирует: «Совершенно очевидно, что за военными действиями на Украине стоит более масштабный конфликт. США давно оказывают огромное воздействие на Украину, чтобы использовать ее против России. Этот конфликт позволит решить, будет ли в мире доминировать одна держава или будет развиваться многополярный порядок» [6].

И – как почти одновременно – оценочное тождество в американском журнале «Тайм»: «В результате мы видим, насколько негибким президент Путин, какие серьезные провалы во внешней политике у президента Байдена, как сильно геополитическая власть и влияние сдвигаются в сторону противников США, и насколько мрачные перспективы у Украины» [7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Среди западных вариативных интерпретаций истоков и причин кризисной ситуации на Украине высказанные Ж. Бо мысли и аналитические выкладки занимают особое место. Они тем более выделяются своей оценочной инаковостью, что исходят от человека, чья профессиональная деятельность в течение многих лет ожидало предполагала прямо противоположную рефлексию.

Системность анализа Ж. Бо, аргументация его оценочных позиций находят все более частое подтверждение в аналитической рефлексии американоцентричного Запада.

Трансформационно-кризисные процессы в мире, достигшие беспрецедентной глубины и остроты, сказываются, естественно, на логике и диалектике взаимоотношений, размежеваний и обособлений в геополитическом пространстве. В этой связи обращает на себя внимание экспертная точка зрения, призывающая в свете современных международных реалий принципиально переосмыслить известное утверждение З. Бжезинского, будто величие России зиждется на единстве с Украиной и если вырвать ее из сферы российского влияния, то России как великой державе конец. «Сегодня очевидно, что Россия в мире существует независимо от степени близости с какой-либо страной или группой стран. Освобождение от умозрительных конструкций в головах влиятельных идеологов – мощный фактор нормализации процесса развития и оценки фундаментальных рисков и возможностей. Россия может быть великой и важной державой независимо от степени интеграции с другими странами» [8].

Концептуально-аналитическое содержание книги Ж. Бо наглядно подтверждает обоснованность и актуальность этой точки зрения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Baud J. L'art de la guerre russe: Comment l'Occident a conduit l'Ukraine à l'échec. Paris: Max Milo; 2024. 366 p.
2. Gomart T. L'accélération de l'histoire: Les nœuds géostratégiques d'un monde hors de contrôle. Paris: Tallandier; 2024. 158 p.
3. Tenzet N. Notre Guerre. Le crime et l'oubli: pour une pensée stratégique. Paris: Editions de l'Observatoire; 2024. 602 p.
4. Лавров С.В. ЕС и НАТО давно являются гибридными участниками конфликта на Украине. 15.11.2022. https://rg.ru/2022/11/15/lavrov-es-i-nato-davno-ivliaiutsia-gibridnymi-uchastnikami-konflikta-na-ukraine.html?ysclid=m9ef8yh0n0540720412&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 24.12.2024)
5. Wolton Th. Le retour des temps barbares. Paris: Grasset; 2024. 221 p.
6. Sädler Von F., Schwung G. «Wo liegt das besondere Spezialverbrechen Putins?». 17.09.2024. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/plus/253432064/Ukraine-Wo-liegt-das-besondere-Spezialverbrechen-Putins.html> (дата обращения: 30.10.2024).
7. Jayanti S. The World Is Still Hooked on Russian Energy – at Its Own Peril. 20.10.2024. URL: <https://time.com/7095298/europe-hooked-russian-oil-gas-ukraine/> (дата обращения: 30.12.2024).
8. Ремчуков К. О Путине и России сегодня. Что нужно иметь в виду странам Запада. 16.10.2024. https://www.ng.ru/politics/2024-10-16/1_9116_ed.html?ysclid=m9ef9x0f84183668617 (дата обращения: 24.12.2024)

REFERENCES:

1. Baud J. The Art of Russian War: How the West Led Ukraine to Failure. Paris: Max Milo; 2024. 366 p. (In French)
2. Gomart T. The Acceleration of History: The Geostrategic Nodes of a World Out of Control. Paris: Tallandier; 2024. 158 p. (In French)
3. Tenzet N. Our War. Crime and Forgetting: For Strategic Thinking. Paris: Editions de l'Observatoire; 2024. 602 p. (In French)
4. Lavrov S.V. The EU and NATO have long been hybrid participants in the conflict in Ukraine. 15.11.2022. https://rg.ru/2022/11/15/lavrov-es-i-nato-davno-ivliaiutsia-gibridnymi-uchastnikami-konflikta-na-ukraine.html?ysclid=m9ef8yh0n0540720412&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (Accessed: 24.12.2024) (In Russ.)
5. Wolton Th. The Return of Barbarian Times. Paris: Grasset; 2024. 221 p. (In French)
6. Sädler Von F., Schwung G. «Where is Putin's special crime?». September 17, 2024. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/plus/253432064/Ukraine-Wo-liegt-das-besondere-Spezialverbrechen-Putins.html> (Accessed: 30.10.2024). (In German)
7. Jayanti S. The World Is Still Hooked on Russian Energy – at Its Own Peril. 20.10.2024. URL: <https://time.com/7095298/europe-hooked-russian-oil-gas-ukraine/> (Accessed: 30.10.2024). (In Russ.)
8. Remchukov K. About Putin and Russia today. What Western countries need to keep in mind. 16.10.2024. https://www.ng.ru/politics/2024-10-16/1_9116_ed.html?ysclid=m9ef9x0f84183668617 (Accessed: 12.24.2024) (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марк А. Неймарк Доктор исторических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
mark.neimark@mail.ru

Mark A. Neimark Doctor of Sciences (History), Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia;
mark.neimark@mail.ru

Искусственный интеллект как новый фактор энергетической безопасности

Руслан А. Алиев

МГИМО МИД России, Комиссия по устойчивому развитию и экологии РАС ООН,
Москва, Россия
torgpredaz@gmail.com

Аннотация: в статье рассматривается влияние искусственного интеллекта (ИИ) на энергетическую безопасность, определяемую как снижение уязвимости жизненно важных энергетических систем. Анализируются существующие инициативы по внедрению ИИ в энергетику, включая прогнозирование потребления, интеллектуальное управление энергосистемами, оптимизацию сетевой инфраструктуры и предиктивное техническое обслуживание. Особое внимание уделяется вопросам цифрового суверенитета и кибербезопасности, поскольку зависимость от зарубежных технологических решений может создавать дополнительные риски для энергетической стабильности.

В качестве одного из перспективных направлений предлагается концепция Каспийской цифровой информационно-аналитической платформы, предназначенной для интеграции данных о нефтегазовом комплексе, экологии, климате, транспортно-логистических потоках и развитии нормативно-правовой базы в регионе. Использование ИИ в рамках этой платформы позволит анализировать энергетические потоки, выявлять возможные кризисы и обеспечивать устойчивое развитие энергосистем Каспийских государств.

В статье сделан вывод, что успешная цифровая трансформация энергетического сектора требует комплексного подхода, включающего развитие цифровой инфраструктуры, нормативно-правового регулирования и программ по подготовке специалистов. Развитие региональных платформ управления энергоресурсами на основе ИИ может стать значимым шагом к формированию глобальной архитектуры энергетической безопасности, сочетающей надежность, эффективность и экологическую устойчивость.

Ключевые слова: искусственный интеллект, энергетическая безопасность, цифровая трансформация, интеллектуальные энергосистемы, прогнозирование энергопотребления, кибербезопасность, Каспийская цифровая платформа

Для цитирования: Алиев Р.А. Искусственный интеллект как новый фактор энергетической безопасности. *Проблемы постсоветского пространства*. 2025;12(1):30-48. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-1-30-48>

Поступила 16.03.2025

Принята в печать 23.03.2025

Опубликована 30.03.2025

Artificial Intelligence as a Key Driver of Energy Security Transformation

Ruslan A. Aliyev

MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia; Commission on Sustainable Development and Ecology of the Russian Academy of Sciences under the UN, Moscow, Russia, torgpredaz@gmail.com

Abstract: This article explores the impact of artificial intelligence (AI) on energy security, defined as reducing the vulnerability of critical energy systems. It analyzes existing AI-driven initiatives in the energy sector, including demand forecasting, intelligent energy system management, grid infrastructure optimization, and predictive maintenance. Special attention is given to issues of digital sovereignty and cybersecurity, as dependence on foreign technological solutions may pose additional risks to energy stability.

One of the promising directions proposed in the article is the Caspian Digital Information-Analytical Platform, designed to integrate data on energy production, transportation, and consumption in the region. AI implementation within this platform will enable real-time analysis of energy flows, identification of potential crises, and promotion of sustainable energy system development among Caspian states.

The article emphasizes that the successful digital transformation of the energy sector requires a comprehensive approach, including the development of digital infrastructure, regulatory frameworks, and professional training programs. The advancement of regional AI-based energy resource management platforms may become a crucial step toward establishing a global energy security architecture that combines reliability, efficiency, and environmental sustainability.

Keywords: artificial intelligence, energy security, digital transformation, intelligent energy systems, energy demand forecasting, cybersecurity, Caspian digital platform.

For citation: Aliyev R.A. Artificial Intelligence as a Key Driver of Energy Security Transformation. *Post-Soviet Issues*. 2025;12(1):30–48. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-1-30-48>

Received 16.03.2025

Revised 23.03.2025

Published 30.03.2025

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос энергетической безопасности традиционно рассматривается через призму доступа к энергоресурсам, устойчивости инфраструктуры и геополитической стабильности. Однако современные вызовы, связанные с переходом к низкоуглеродной экономике, изменением структуры энергопотребления и ростом киберугроз, требуют новых подходов к управлению энергетическими системами. В этом контексте

особую роль начинает играть искусственный интеллект (ИИ), способный повышать эффективность прогнозирования, оптимизировать распределение энергоресурсов и обеспечивать устойчивость энергосистем перед внешними угрозами.

Развитие ИИ-технологий предлагает странам новые возможности для управления энергетическими потоками, мониторинга инфраструктуры и реагирования на кризисные ситуации [1]. В условиях глобального энергоперехода ИИ способен стать ключевым инструментом для обеспечения энергетической безопасности как на национальном, так и на региональном уровне. Для стран Каспийской региона энергетическая безопасность определяется не только внутренними факторами, но и сложными взаимосвязями между национальными энергетическими системами, транспортными маршрутами и международной конкуренцией за рынки сбыта [2].

В данной статье рассматривается вопрос, каким образом искусственный интеллект может способствовать обеспечению энергетической безопасности в региональном масштабе. Особое внимание уделяется анализу глобальных инициатив по использованию ИИ в энергетике, а также возможностям разработки цифровой платформы на основе ИИ для обеспечения энергетической безопасности Каспийского региона.

Исследования, посвящённые роли ИИ в энергетике, охватывают несколько ключевых направлений. Вопрос прогнозирования энергопотребления с использованием машинного обучения широко рассматривается в современных работах [3; 4]. Эти исследования показывают, что алгоритмы ИИ позволяют не только более точно предсказывать пики нагрузки и потенциальные кризисные ситуации, но и оптимизировать стратегическое планирование энергопотребления [5; 6].

Другой важный аспект связан с управлением энергосетями и их уязвимостью перед внешними угрозами. Авторы И. Чжан [7] и Д. Калюжный [8] подчёркивают, что ИИ может значительно повысить устойчивость энергосистем за счёт автоматизированного выявления киберугроз, предотвращения аварийных ситуаций и оптимизации распределения мощности.

Наконец, ряд исследований [9; 10] анализируют возможности ИИ в международных энергетических инициативах, особенно в контексте трансграничного обмена энергоресурсами. Они отмечают, что цифровые платформы на основе ИИ могут стать важным инструментом для координации энергопоставок, мониторинга инфраструктуры и минимизации геополитических рисков.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Энергетическая безопасность традиционно рассматривалась через призму стабильного и доступного энергоснабжения, особенно в условиях геополитической нестабильности. В XX веке этот термин преимущественно использовался для обозначения надёжности поставок нефти и газа, однако в XXI веке содержание концепции значительно расширилось. Современные вызовы, включая климатические изменения, цифровизацию и переход к возобновляемым источникам энергии, требуют пересмотра подходов к обеспечению энергетической безопасности.

В академической дискуссии об уточнении понимания энергетической безопасности заметную роль сыграл Международный институт прикладного системного анализа (МИПСА), чьи эксперты в итоге и предложили наиболее авторитетное на данный момент определение, которым пользуются многие международные организации. В исследовании Черпа и Джуэлл [11] предлагается новая концепция, которая выходит

за рамки традиционного подхода, известного как модель «четырёх А», включающая доступность, физический доступ, приемлемую стоимость и экологическую совместимость энергоресурсов. В отличие от данной модели, новое определение энергетической безопасности акцентирует внимание не только на характеристиках энергосистем, но и на их уязвимости, устойчивости и способности адаптироваться к изменениям.

Модель «четырёх А», разработанная Азиатско-Тихоокеанским исследовательским центром энергетики, широко использовалась в политике и научных исследованиях благодаря своей универсальности и относительной простоте. Однако Черп и Джуэлл указывают на её ограниченность, поскольку она не даёт ответа на ключевые вопросы: для каких субъектов обеспечивается энергетическая безопасность, какие именно аспекты энергосистем являются критически важными и какие угрозы представляют наибольшую опасность.

Исследователи подчеркивают, что традиционная модель описывает лишь количественные характеристики энергетической безопасности, но не анализирует её структурную устойчивость. Кроме того, отсутствие единого толкования делает её трудно операционализируемой: интерпретация параметров модели варьируется в зависимости от политического контекста и экономических условий. В результате эта концепция оказывается недостаточной для анализа сложных энергетических систем, подвергающихся воздействию множества факторов, включая геополитические кризисы, экономические шоки и технологические изменения.

В качестве альтернативы Черп и Джуэлл предлагают концепцию энергетической безопасности как «низкую уязвимость жизненно важных энергетических систем». В рамках этого подхода внимание

сосредоточено не на количестве доступных энергоресурсов, а на способности энергосистем противостоять кризисным ситуациям и минимизировать потенциальные риски. Центральное место занимает идея жизненно важных энергетических систем, включающих всю цепочку энергоснабжения – от добычи и производства до транспортировки, распределения и конечного потребления.

В отличие от традиционного подхода, новая концепция позволяет выявлять конкретные уязвимости энергетических систем. Эти уязвимости могут быть физическими, такими как устаревание инфраструктуры или ограниченность резервных мощностей, а также институциональными, включая недостаточную диверсификацию источников энергоснабжения или зависимость от внешнеполитической конъюнктуры. В данном контексте энергетическая безопасность определяется через два ключевых параметра: экспозицию к рискам и устойчивость системы к внешним шокам.

Черп и Джуэлл подчеркивают, что уровень энергетической безопасности не может быть одинаковым для всех государств. В случае стран-импортёров основная угроза заключается в перебоях с поставками энергоносителей, тогда как для экспортёров ключевой вызов связан с нестабильностью мировых цен. Кроме того, уровень энергетической безопасности зависит от политического режима, структуры экономики и климатических условий.

Авторы выделяют три группы угроз, способных подорвать энергетическую безопасность. Политические риски включают санкции, торговые войны и геополитическую нестабильность, способную нарушить энергетические цепочки поставок. Экономические угрозы связаны с колебаниями цен на энергоносители, изменением инвестиционного климата и зависимостью

экономики от экспорта углеводородов. Технологические и экологические факторы включают износ инфраструктуры, влияние климатических изменений и необходимость перехода к низкоуглеродной энергетике.

Для повышения устойчивости энергосистем исследователи предлагают рассматривать такие характеристики, как диверсификация поставок энергоресурсов, гибкость сетевой инфраструктуры, способность к быстрому реагированию на кризисные ситуации и наличие стратегических запасов. Чем выше уровень адаптивности энергетической системы, тем ниже её уязвимость перед внешними угрозами.

Рассматриваемый подход имеет значительный практический потенциал. В рамках Европейского союза разрабатываются механизмы совместного хранения газа, направленные на снижение зависимости от поставок энергоресурсов из нестабильных регионов. Китай активно инвестирует в развитие устойчивых энергосистем, ориентируясь на внутренний спрос и переход к возобновляемым источникам энергии. Россия реализует проекты цифровизации энергетического сектора¹, включая внедрение интеллектуальных сетей, предназначенных для повышения управляемости энергосистем и защиты от кибератак.

Адаптивность предложенной модели заключается в её способности учитывать динамические изменения в глобальной энергетике. В отличие от традиционного подхода, сфокусированного на фиксированных параметрах энергоснабжения, новая концепция позволяет учитывать возросшую роль цифровых технологий и искусственного интеллекта в управлении энергетическими потоками.

ИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НИЗКОЙ УЯЗВИМОСТИ ЖИЗНЕННО ВАЖНЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Современный мир переживает глубокую трансформацию энергетического сектора под влиянием новых цифровых технологий. Одним из самых перспективных направлений такой трансформации является применение искусственного интеллекта (ИИ), который становится важнейшим фактором обеспечения энергетической безопасности. Это объясняется возросшими требованиями к надёжности энергосистем, их способности быстро адаптироваться к новым вызовам и неопределённостям, а также необходимостью эффективного управления ресурсами.

ИИ уже активно используется в самых разных сегментах энергетики, включая электроэнергетику, нефтегазовый сектор и транспортную инфраструктуру. Основные преимущества использования ИИ заключаются в его способности анализировать большие объёмы данных в реальном времени, осуществлять предиктивный мониторинг и диагностику оборудования, оптимизировать энергопотребление и повышать надёжность энергетических систем.

Одним из наиболее важных применений ИИ является предиктивный анализ технического состояния энергосетей. Сенсоры и датчики, размещённые на линиях электропередач, электростанциях и трансформаторах, непрерывно собирают информацию, которую обрабатывают алгоритмы машинного обучения. На основе анализа этих данных ИИ способен заблаговременно выявить потенциальные риски и предупредить возможные аварии, значительно снижая вероятность непредвиденных сбоев.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации № 581-р от 12 марта 2024 г. об утверждении Стратегического направления в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса до 2030 года. 12.03.2024. URL: <http://static.government.ru/media/files/25ZYOXchG4i2xbA5R2JYCucTbHOXFxwF.pdf> (дата обращения: 15.03.2025).

Согласно докладу Международного энергетического агентства (IEA), подобные цифровые технологии способны ежегодно снижать операционные затраты на обслуживание энергетической инфраструктуры примерно на 5%, что соответствует глобальной экономии порядка 80 миллиардов долларов США в год².

Особенно значима роль ИИ в решении проблемы интеграции возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в энергетические сети. ВИЭ, такие как солнечная и ветровая энергия, отличаются высокой вариативностью и непредсказуемостью генерации. В этих условиях особое значение приобретает точность прогнозирования выработки электроэнергии и управление сетевой нагрузкой.

ИИ, опираясь на массивы данных о погодных условиях и исторические показатели генерации, способен обеспечивать точность прогнозов производства электроэнергии на уровне до 95% [12; 13]. Это позволяет сбалансировать предложение и спрос в энергосетях, минимизировать использование резервных мощностей, снизить необходимость создания резервных источников и уменьшить вынужденные ограничения генерации (curtailment) [14]. Согласно расчётам Международного энергетического агентства, использование интеллектуальных систем в Евросоюзе способно снизить долю неиспользуемой солнечной и ветровой электроэнергии с нынешних 7% до 1,6% к 2040 году, что предотвратит выброс около 30 миллионов тонн углекислого газа ежегодно³.

Нефтегазовая промышленность также активно применяет искусственный интеллект, что способствует повышению

эффективности и безопасности её работы. Применение алгоритмов машинного обучения и глубоких нейронных сетей значительно увеличивает точность разведки и моделирования нефтегазовых месторождений. Это позволяет повысить коэффициент извлечения ресурсов нефти и газа на 5% в глобальном масштабе [15].

ИИ также активно используется для автоматизации процессов бурения, что существенно снижает производственные затраты и экологический ущерб. Помимо этого, использование интеллектуальных систем мониторинга нефтяных платформ и трубопроводов позволяет предотвращать аварии, утечки нефти и газа, снижая экологические риски и повышая безопасность добычи энергоресурсов [16].

Транспортная инфраструктура является крупным потребителем энергии, и цифровые технологии могут кардинально изменить динамику её потребления. Искусственный интеллект способствует появлению умных и автономных транспортных систем, способных оптимизировать логистику и маршруты передвижения, существенно снижая затраты на энергию.

Однако воздействие ИИ на транспортный сектор может иметь двойственный эффект. С одной стороны, при правильном регулировании и использовании автономных и совместно используемых транспортных средств, потребление энергии транспортом к 2060 году может сократиться в два раза по сравнению с текущим уровнем⁴. С другой стороны, отсутствие продуманной политики и бесконтрольное распространение автономного транспорта могут привести к противоположному эффекту – удвоению энергопотребления.

² IEA. Digitalization and Energy. OECD/IEA, Paris, November 2017. URL: <https://www.iea.org/reports/digitalisation-and-energy> (дата обращения: 13.03.2025).

³ Там же.

⁴ Там же.

Вместе с огромными возможностями ИИ в энергетике возникают и новые риски, прежде всего в области кибербезопасности. Расширение цифровой инфраструктуры увеличивает поверхность потенциальных атак для хакеров, а растущее количество устройств, подключенных к интернету (IoT), делает энергосистемы особенно уязвимыми. Хотя полностью исключить угрозу невозможно, правильное управление киберрисками способно минимизировать их последствия и обеспечить устойчивость энергетических систем [17].

Ключевой исследовательской инициативой по изучению использования «Energy for AI & AI for Energy»⁵, запущенная Международным энергетическим агентством (IEA), представляет собой комплексный проект, направленный на изучение и решение вопросов на пересечении энергии и искусственного интеллекта (ИИ).

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ЕДИНОЙ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Страны Каспийского региона, несмотря на наметившиеся тенденции региональной интеграции, в том числе в рамках планирования совместных экологических и энергетических проектов, не располагают единой информационной базой, обновляемой в режиме реального времени, которая могла бы выступать инструментом принятия политических, экономических и технологических решений.

В течение 2024 года предлагался к реализации ряд платформенных решений. Однако рассматриваемые проекты носили декларативный характер и охватывали лишь отдельные актуальные для Каспийского региона направления деятельности. Так, например, на Конференции ООН по изменению климата (COP29), прошедшей в ноябре 2024 г. в Баку, представители Азербайджана, Ирана, Казахстана, России и Туркменистана приняли декларацию, направленную на совместные усилия по сохранению экологии Каспийского моря, в рамках которой неправительственные организации этих стран инициировали создание «Платформы Каспийского дома» для координации действий по охране окружающей среды в регионе⁶.

В ходе проведения Второго Международного Каспийского Цифрового Форума в октябре 2024 года обсуждалось создание цифровой экосистемы для прикаспийского сотрудничества, направленной на развитие единого информационного пространства трансграничного взаимодействия⁷. Предполагается, что данная цифровая экосистема в формате международной площадки будет охватывать вопросы развития международного транспортного коридора «Север – Юг» и укрепления делового сотрудничества в Прикаспийском регионе.

Тем не менее, на межгосударственном уровне подчёркивалась важность выхода из отраслевой тематики за счёт реализации интегральной для всех прикаспийских стран идеи с упором на перспективные

⁵ IEA. Digitalization and Energy. OECD/IEA, Paris, November 2017. URL: <https://www.iea.org/reports/digitalisation-and-energy> (дата обращения: 13.03.2025).

⁶ Россия и Азербайджан продолжают обсуждать проблематику Каспия на COP29 в Баку. Москва-Баку. 20.11.2024. URL: https://moscow-baku.ru/news/sotrudnichestvo/rossiya_i_azerbaydzhan_prodozhayut_obsuzhdat_problematiku_kaspiya_na_cop29_v_baku/ (дата обращения: 19.02.2025).

⁷ Алирзаева С. Сергей Меликов: «Цель Каспийского форума – обсудить создание цифровой экосистемы для прикаспийского сотрудничества» (Интервью). РИА «Дагестан». 31.10.2024. URL: https://riadagestan.ru/news/president/sergey_melikov_tsel_kaspiyskogo_foruma_obsudit_sozdanie_tsifrovoy_ekosistemy_dlya_prikaspiyskogo_sotrudnichestva/ (дата обращения: 05.03.2025)

проекты, которые могли бы вывести регион на новый уровень экономического развития⁸.

Ключевым аспектом Каспийской цифровой информационно-аналитической платформы должна стать её многослойность, обеспечиваемая по типу федеративных цифровых платформ, осуществляющих обмен ресурсами и данными при сохранении автономии отдельных субъектов – в данном случае, прикаспийских государств. С точки зрения теории международных отношений, такая платформа является инструментом организации коллективных действий в рамках формирования международного режима, определяющего совокупность норм и правил, по которым совпадают ожидания стран-участников.

Отсутствие на Каспии единой международной организации, объединяющей страны региона, несколько осложняет процессы создания и функционирования единой цифровой платформы, однако сама платформа в текущих условиях может содействовать укреплению международного режима в Каспийском регионе и углублению внутрирегионального сотрудничества в технологической, энергетической, транспортно-логистической и инвестиционной сферах.

Платформа позволит интегрировать разные источники данных в единой архитектуре, разрабатывать и внедрять сервисы для различных участников процесса освоения и развития ресурсной и промышленной базы Каспийского региона – по сути, сформировать новые подходы к стратегическому планированию развития региона на основе модельно-ориентированного системного инжиниринга, что невозможно реализовать без серьезной проработки новых методологических, управленческих, научно-технических и технологических подходов как в части организации сбора

и интеграции данных, так и в части анализа и интерпретации «больших каспийских» данных.

Функционирование и развитие технологической базы Каспийской цифровой информационно-аналитической платформы обуславливает необходимость создания и развития сильных инженерных компетенций в области ИИ применительно к тем стратегическим задачам, которые стоят перед странами региона, в отношении обеспечения устойчивости Каспийского моря – это и новый класс компетенций и технологий, например, в области мониторинга экологической обстановки (ИИ, инфраструктура ИИ, технологии беспилотных авиационных систем (БАС), Интернета вещей и т.д.), так и ИИ инструменты для стратегического планирования программ и инициатив на уровне отдельных государств и ведомств.

Таким образом, одной из основных задач в реализации данного направления становится создание консорциума для разработки, внедрения и развития информационно-аналитической и транзакционной платформы для планирования промышленных, производственных, технологических, экологических и иных аспектов развития Каспийского бассейна с применением технологий ИИ для принятия управленческих решений с учетом соблюдения принципов устойчивого развития.

АРХИТЕКТУРА КАСПИЙСКОЙ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ

Современные тенденции цифровизации требуют создания универсальных платформ для управления данными, обеспечивающих интеграцию информации из различных источников. В рамках разработки архитектуры Каспийской цифровой информационно-аналитической платформы

были определены основные принципы ее функционирования. Как отмечает А.Н. Трушкин [18], эффективная цифровая платформа должна поддерживать различные концепции управления данными, обеспечивать их сбор из распределенных источников и предоставлять удобные универсальные форматы для отображения информации.

Исходя из поставленных задач, структура платформы охватывает четыре ключевых направления: (табл. 1):

1. Энергетика и энергетические рынки
2. Экология и климат
3. Транспорт и логистика
4. Правовые аспекты Каспийского региона

Очевидно, что в силу масштаба решаемых задач реализация проекта единой аналитической платформы в Каспийском регионе будет связана с интеграцией уже существующих платформенных решений в энергетике, экологии и климате, а также транспорте и логистике.

В энергетическом секторе процесс цифровизации затронул практически все отрасли ТЭК. В России цифровая трансформация ТЭК реализуемую на основании государственной программы «Стратегическое направление в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса до 2030 года»⁹. В основе этой стратегии лежит создание единой цифровой платформы «ГосТех»¹⁰, которая должна стать центральным элементом управления данными в энергетическом секторе. Объединяя все ключевые субъекты отрасли, эта платформа обеспечит оперативный и прозрачный обмен информацией, что не только снизит

издержки, но и ускорит процессы принятия решений на всех уровнях.

Одним из наиболее значимых направлений цифровой трансформации является внедрение технологий искусственного интеллекта и больших данных. Эти инновации призваны улучшить прогнозирование спроса на энергоресурсы, оптимизировать процессы добычи и транспортировки, а также повысить точность оценки состояния инфраструктуры. Анализ больших объемов данных позволит энергетическим компаниям своевременно выявлять потенциальные угрозы и эффективно управлять мощностями.

В условиях глобальной технологической конкуренции и санкционных ограничений особое внимание уделяется вопросам технологического суверенитета. В стратегию цифровой трансформации заложен приоритет на импортозамещение, что предполагает развитие отечественных программных и аппаратных решений. Это касается не только базовых информационных систем, но и специализированного программного обеспечения, используемого для управления ключевыми объектами энергетической отрасли.

Важнейшую роль в цифровой трансформации играет автоматизация производственных процессов и внедрение цифрового моделирования. Создание и применение технологий цифрового двойника позволит моделировать различные сценарии эксплуатации энергетической инфраструктуры в реальном времени, что существенно повысит эффективность и безопасность её работы. Автоматизированные системы управления (АСУ) будут внедряться

⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации № 581-р от 12 марта 2024 г. об утверждении Стратегического направления в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса до 2030 года. 12.03.2024. URL: <http://static.government.ru/media/files/25ZYOXchG4i2xbA5R2JYUcTbHOXFxwF.pdf> (дата обращения: 15.03.2025)

¹⁰ Единая цифровая платформа ГосТех. URL: <https://platform.gov.ru/> (дата обращения: 14.03.2025)

Таблица 1 – Архитектура Каспийской цифровой информационно-аналитической платформы

Энергетика и энергетические рынки	Добыча углеводородов
	<ul style="list-style-type: none"> • Месторождения углеводородов • Цифровые двойники месторождений
	Развитие нефтегазохимии
	<ul style="list-style-type: none"> • НПЗ • Нефтехимические комплексы • Газохимия
	Атомная энергетика
	<ul style="list-style-type: none"> • Действующие и планируемые АЭС • Контроль радиационного фона на промплощадках АЭС
	Возобновляемые источники энергии и гидроэнергетика
	<ul style="list-style-type: none"> • Солнечная энергетика • Ветровая энергетика • Гидроэнергетика • Биоэнергетика
	Энергосети
	<ul style="list-style-type: none"> • Трансграничные коридоры «зелёной» энергии • Существующая конфигурация энергосетей и возможности её расширения с учётом развития возобновляемой энергетики • Неравномерность генерации ВИЭ, системы хранения электроэнергии, развитие диспетчеризации на базе ИИ • Внутрирегиональная интеграция энергосетей • Инициатива «Глобальное обязательство по хранению энергии и сетям» (COP 29)
	Производство водорода
	<ul style="list-style-type: none"> • Технологии производства водорода • Транспортировка водорода
	Рынки энергоресурсов
<ul style="list-style-type: none"> • Основные экспортные потоки • Конъюнктура • Потенциальные рынки сбыта • Ценообразование и динамика цен 	
Рынок электроэнергии	
<ul style="list-style-type: none"> • Энергосистемы • Рынок «зелёной» энергии 	
Экология и климат	Экология
	<ul style="list-style-type: none"> • Геоэкологические изменения при колебаниях уровня Каспийского моря • Мониторинг уровня воды • Экологические «горячие точки» • Устойчивое использование морских ресурсов, в т.ч. рыболовство
	Флора и фауна региона, вопросы биоразнообразия и сохранности видов
	<ul style="list-style-type: none"> • Сохранение популяции каспийской нерпы • Сокращение биологического разнообразия • Сокращение лесных массивов • Виды растений и животных, занесённых в Красную Книгу • Заповедники Каспийского региона

Окончание таблицы 1 – Архитектура Каспийской цифровой информационно-аналитической платформы

Экология и климат	Климатические риски
	<ul style="list-style-type: none"> • Контроль выбросов CO₂ • Мероприятия по улавливанию CO₂ • Стратегии декарбонизации • Обязательства по достижению углеродной нейтральности
Экология и климат	Ресурсы пресной воды
	<ul style="list-style-type: none"> • Состояние водного баланса, уровень осадков, засухи • Гидрологические режимы рек, изменение их уровня • Действующие и планируемые опреснительные установки • Распределение трансграничных водных ресурсов • Промышленное водопользование • Бытовое водопользование • Нужды орошения в сельском хозяйстве • Размещение ГЭС
Транспорт и логистика	Транспортные коридоры
	<ul style="list-style-type: none"> • Международный транспортный коридор «Север–Юг» • Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ) – Транспортный коридор «Восток–Запад» • Портовая инфраструктура
Транспорт и логистика	Транспорт энергоресурсов и логистика
	<ul style="list-style-type: none"> • Существующие системы трансграничных магистральных трубопроводов • Проекты сооружения трубопроводов • Внутренняя трубопроводная система стран КР • Танкерный флот
Правовые аспекты	Нормативно-правовая база по Каспийскому региону и правовой статус Каспия
	<ul style="list-style-type: none"> • Правовой статус Каспия • Национальные стратегии развития • Программные документы в сфере экологической безопасности (стратегии, дорожные карты)

Источник: составлено автором.

на всех этапах – от разведки месторождений до распределения энергоресурсов конечным потребителям.

Неотъемлемой частью цифровой стратегии становится обеспечение кибербезопасности. В условиях растущих киберугроз необходимо защищать критически важные объекты ТЭК от возможных атак. Для этого планируется переход на ответственные решения в сфере информационной безопасности, внедрение стандартов безопасной разработки программного обеспечения и повышение квалификации специалистов, работающих с цифровыми системами.

Ожидается, что к 2030 году эта программа приведёт к значительному увеличению доли российских программных решений в цифровой инфраструктуре ТЭК, обеспечивая его технологическую независимость. Массовое внедрение «сквозных» цифровых технологий, включая искусственный интеллект, интернет вещей (IoT) и блокчейн, позволит сделать процессы добычи, транспортировки и распределения энергоресурсов более эффективными. Автоматизация производственных процессов сократит эксплуатационные издержки и повысит производительность. В результате будет создана полноценная

цифровая экосистема управления энерго-ресурсами, обеспечивающая мониторинг и предиктивное обслуживание энергетических мощностей. Всё это будет сопровождаться ростом инвестиций в цифровую трансформацию, что станет индикатором активного развития инноваций в отрасли.

По оценкам Правительства РФ, внедрение ИИ добавит к ВВП России к 2030 году 11,2 трлн рублей нарастающим итогом¹¹. Платформенные решения широко применяются в нефтегазодобыче («цифровые месторождения»), включая создание моделей – «цифровых двойников» месторождений. На практике цифровизация сектора up-stream включает в себя как общие вопросы освоения месторождения (уровень доказанных запасов, ожидаемый дебит скважин и длительность их эксплуатации, динамика объёмов добычи, коэффициент извлечения энергоресурсов и др.), так и текущие задачи добычи углеводородов.

Цифровые технологии успешно дополняют традиционные методы добычи нефти и природного газа, представляя собой совокупность программных и технических решений, способных управлять нефтяными пластами, добычей углеводородов и обеспечивать постоянную оптимизацию разработки месторождений. Основное оборудование включает в себя датчики, беспроводные коммуникационные сети и автоматизированную систему, собирающую и анализирующую данные в режиме реального времени.

Наиболее востребованы цифровые технологии в электроэнергетике. Вследствие

активного развития возобновляемой и распределённой генерации, существенно осложнившихся задачи диспетчеризации, всё большее распространение получают активно-адаптивные энергосети (Smart Grid) с использованием технологий ИИ, Интернета Вещей и Больших Данных.

Крупнейшей российской платформой в электроэнергетике является «VПлатформа» – проект, выполняемый в рамках дорожной карты Национальной технологической инициативы по направлению EnergyNet. A-Платформа базируется на концепции прикладных интеллектуальных систем управления объектами распределённой энергетики и обеспечивает автоматическое и автоматизированное выполнение следующих бизнес-функций¹²:

- управление спросом на электропотребление;
- интеграцию децентрализованных источников в общую энергосистему;
- координированное управление генерацией источников электроэнергии, в том числе ВИЭ;
- балансирование изолированной энергосистемы;
- деагрегацию¹³ потребления электроэнергии;
- учёт произведённых платежей за электроэнергию в соответствии с показателями её качества;
- контроль качества электроэнергии в соответствии с принятыми стандартами и др.

Отдельно следует отметить перспективы внедрения платформенных решений на основе искусственного интеллекта

¹¹ Вопросы использования цифровых платформ и искусственного интеллекта в энергетике обсудили участники тематической сессии ТЭД – 2024. Вторая Научно-практическая конференция «Территория энергетического диалога». 02.11.2024. URL: <https://tedconf.ru/news/voprosy-ispolzovaniya-tsifrovoykh-platform-i-iskusstvennogo-intellekta-v-energetike-obsudili-uchastni/> (дата обращения: 10.03.2025)

¹² Проект «Разработка российской программной платформы управления распределённой энергетикой – VПлатформа». URL: <http://www.a-platform.ru/about/> (дата обращения: 14.03.2025)

¹³ Деагрегация потребления электроэнергии включает в себя контроль потребления каждого электроприбора в составе умного дома для составления поведенческой модели потребителя

в атомной отрасли. ИИ-разработки с использованием систем предиктивной аналитики и имитационного моделирования позволяют снизить уровень брака, автоматизировать процессы сооружения АЭС, уменьшить простой оборудования, сократить число несчастных случаев, а также значительно упростить и ускорить рутинные бизнес-процессы, связанные с обработкой документов¹⁴. Портфель «Росатома» включает в себя более 60 цифровых продуктов, использующих сквозные цифровые технологии, виртуальную и дополненную реальность, нейротехнологии и искусственный интеллект, технологии беспроводной связи, робототехника и сенсорики и др. В «Росатоме» успешно функционирует платформа программной роботизации «Атом.РИТА» и ведутся работы по созданию Единой цифровой платформы атомной отрасли¹⁵.

В сфере экологии и климата наиболее амбициозным российским проектом представляется разработанный в Центре ИИ Сколковского института науки и технологий (Сколтех) прототип программной платформы для мультимасштабного мониторинга и управления климатическими и экологическими рисками в составе фреймворков DataFusion, SciML, GreenAI и соответствующих программных модулей. Платформа имеет открытую технологическую структуру, что позволяет как добавлять новые отраслевые модули, так и улучшать и развивать функциональность каждого модуля в отдельности в части определения и реализации частных пользовательских сценариев. Также крайне важным аспектом является возможность подключения дополнительных

источников реальных данных от других информационных ведомственных, региональных и федеральных систем, и быстрое подключение новых пользователей к работе с Платформой на основе этих данных.

Платформа является основой для решения следующих задач в области мониторинга и управления климатическими и экологическими рисками:

- мониторинг состояния территории и областей поверхности земли для оценки рисков возникновения чрезвычайных ситуаций и прогнозирование направления и последствий их развития;
- пространственный мониторинг объектов, типов и характеристик поверхности для оценки соответствующих стоков и выбросов углерода и поглощающей способности территорий;
- получение пространственно-распределенных целевых характеристик поверхности Земли на основе мультимодальных данных и оценка динамики изменения характеристик;
- мониторинг и прогнозирование загрязнений воздуха для быстрого и точного прогноза распространения загрязнений и оценки наиболее вероятного расположения источника загрязнений;
- консолидация различных типов данных о месторождении для точной оценки геологических свойств пласта автоматизированным образом и снижения времени на построение модели нефтегазового месторождения;
- оценка влияния долгосрочных климатических изменений на вероятность наступления экстремальных климатических событий и анализ экономических последствий для предприятий;

¹⁴ Росатом: энергия ИИ. Росатом. URL: <https://rosatom.cnews.ru/> (дата обращения: 10.03.2025)

¹⁵ «Росатом» расширил функционал платформы программной роботизации «Атом.РИТА». Росатом. URL: https://rosatom.cnews.ru/news/line/2024-12-13_rosatom_rasshiril_funktsional (дата обращения: 10.03.2025)

• повышение производительности вычислений ИИ, в частности ускорение обучения больших нейросетевых моделей на существующих вычислительных мощностях.

Разработанное решение является основой для дальнейшего создания платформы для поддержки управленческих решений в области стратегического планирования и пространственного развития регионов, включая социально-экономическое развитие, баланс между экономическим потенциалом и комфортной средой для населения, повышение эффективности бюджетных расходов и привлечение новых инвестиций.

Также большой интерес представляет цифровая платформа «Система комплексного мониторинга антропогенного воздействия»¹⁶, разработчиком которой является Центр компетенций Национальной Технологической Инициативы (Центр НТИ) в сотрудничестве с Центром морских исследований МГУ имени М.В. Ломоносова (ЦМИ МГУ) и рядом других компаний¹⁷. Данное платформенное решение основано на применении искусственного интеллекта и интернета вещей, для сбора данных используется технология дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ).

В рамках цифровой платформы «Система комплексного мониторинга антропогенного воздействия» решаются следующие задачи:

- сбор, обработка, анализ и хранение данных о состоянии окружающей среды в режиме реального времени;

- выявление нарушений в ходе мониторинга и ДЗЗ;

- прогнозирование экологической обстановки с учетом факторов антропогенного воздействия;

- верификация и валидация данных дистанционного зондирования земли натурными измерениями;

- поддержка принятия решений по применению мер компенсации антропогенного воздействия;

- тематическая обработка спутниковых изображений с существующих и перспективных космических аппаратов;

- тематическая обработка авиасъемки и данных беспилотных летательных аппаратов¹⁸.

Платформа применима для различных отраслей народного хозяйства, включая морехозяйственный и агропромышленный комплексы, а также муниципальные хозяйства, что формирует комплексное решение для мониторинга антропогенного воздействия отдельного региона в целом.

В платформу включены такие сервисы, как «Карта пожаров», «Расчет углеродного следа», «Оперативный мониторинг парниковых газов», а также сервисы поставки данных дистанционного зондирования Земли.

Учитывая экологические и климатические вызовы для акватории Каспийского моря, значительный интерес представляют морской блок платформы, включающий в себя:

- экологический мониторинг водной поверхности;

¹⁶ Проект «Создание системы комплексного мониторинга антропогенного воздействия». Центр НТИ. URL: <https://nti.chem.msu.ru/digitalplatform> (дата обращения: 02.03.2025)

¹⁷ Помимо указанных структур, в реализации проекта цифровой платформа «Система комплексного мониторинга антропогенного воздействия» принимают участие компании «Моринтех», «Сканэкс», «Ситроникс» и «ТерраТех».

¹⁸ Цифровая платформа экологического мониторинга: первый шаг к снижению антропогенного воздействия. Центр НТИ. 22.11.2024. URL: <https://nti.chem.msu.ru/tpost/rox1n77461-tsifrovaya-platforma-ekologicheskogomon> (дата обращения: 02.03.2025)

- мониторинг береговой зоны (свалки на берегах, отступление берегов);
- контроль экологической безопасности портовой инфраструктуры и судоходства, а также морской геологоразведки и строительства;
- выделение опасных ледовых объектов слежение за ними с помощью спутниковых трекеров и проведение ледовой разведки с помощью БПЛА;
- экологический мониторинг животного и растительного мира;
- мониторинг нефтяных разливов и мусора;
- статистический анализ данных и их визуализация на цифровой платформе;
- контроль нарушений природоохранных требований и ограничений природопользования;
- оценка состояния окружающей среды по собранным данным;
- предоставление инструментов прогнозирования состояния окружающей среды¹⁹.

Помимо Системы комплексного мониторинга антропогенного воздействия, российскими компаниями-разработчиками предлагается ряд платформенных решений для экологического мониторинга как для конечных потребителей (муниципалитетов, администраций населённых пунктов, руководства промышленных предприятий и др.), так и для компаний-интеграторов.

Так, например, компания «Цифровой Экомониторинг», являющаяся участником «Сколково» с 2021 года, предлагает проект

модульной цифровой платформы интеллектуального экологического мониторинга и управления выбросами и сбросами для промышленных предприятий и населённых пунктов, разработанную на базе искусственного интеллекта с использованием технологий глубокого обучения и предиктивной аналитики²⁰.

Ещё одним российским проектом является Цифровая платформа отрасли экологии и природопользования, разработанная ИТ-компанией «Эттон» для региональных подразделений Министерства экологии. Платформа агрегирует поступающие из различных ГИС данные и является единым окном для работы и обеспечения экологического надзора, экомониторинга и недропользования²¹.

Определённый интерес представляет разработанная Центром искусственного интеллекта НИУ ВШЭ Цифровая модель, способная на основе технологий машинного обучения определять источники промышленных выбросов и прогнозировать распространение вредных веществ в воздухе с учётом метеорологических факторов (влажность, осадки, скорость и направление ветра)²². Такая цифровая модель может использоваться в платформах экологического мониторинга.

В транспортной логистике цифровые платформы нашли широкое применение и уже достаточно давно помогают выстраивать цепочки поставок и управлять ими в режиме реального времени,

¹⁹ Цифровая платформа экологического мониторинга: первый шаг к снижению антропогенного воздействия. Центр НТИ. 22.11.2024. URL: <https://nti.chem.msu.ru/tpost/rox1n77461-tsifrovaya-platforma-ekologicheskogomon> (дата обращения: 02.03.2025)

²⁰ ООО «Цифровой Экомониторинг». Фонд «Сколково». URL: <https://navigator.sk.ru/orn/1123843> (дата обращения: 10.03.2025)

²¹ Цифровая платформа отрасли экологии и природопользования. Компания «Эттон». URL: <https://etton.ru/case/cifrovaya-platforma-otrasli-ekologii-i-prirodopolzovaniya> (дата обращения: 10.03.2025)

²² Цифровая модель для динамической идентификации промышленных источников выбросов и прогнозирования пространственного распределения вредных веществ в атмосферном воздухе. НИУ ВШЭ. URL: <https://cs.hse.ru/aicenter/ecology> (дата обращения: 09.03.2025)

существенно сокращая операционные расходы и выполняя многие рутинные процессы в оформлении транспортной документации. В основные функции цифровых транспортно-логистических платформ входят оформление заказов и контроль за их исполнением, оптимизация расходов путём сравнения цен на грузоперевозки, а также отслеживание грузов и организация электронного документооборота.

Среди наиболее востребованных логистических цифровых решений можно выделить такие логистические платформы, как АТРАКС, АЙТОБ, Roolz, AXELOT, CARGO RUN, 4logist, Pooling, Smartseeds, Trans.ru, Traffic.Online, xPlanet, «Умная Логистика» и др.²³

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные вызовы в области энергетической безопасности требуют переосмысления традиционных подходов к управлению энергетическими системами, где ИИ выступает не как вспомогательный инструмент, а как ключевой элемент кардинальных изменений в отрасли, способный не только усовершенствовать производственные процессы и логистику, но и снизить уязвимость критически важных энергетических систем, что соответствует современному пониманию энергетической безопасности как «низкой уязвимости жизненно важных энергетических систем» в трактовке Алекса Черпа и Джессики Джуэлл.

Анализ существующих инициатив показывает, что ИИ уже активно применяется в прогнозировании потребления энерго-ресурсов, интеллектуальном управлении энергосистемами, оптимизации работы сетей и предотвращении аварийных

ситуаций. Интеллектуальные алгоритмы позволяют значительно повысить операционную эффективность энергетического комплекса, минимизируя риски сбоев и снижая воздействие на окружающую среду.

Особую актуальность приобретает вопрос цифрового суверенитета в энергетической сфере. В условиях геополитической турбулентности зависимость от зарубежных технологий создает дополнительные риски, связанные с санкциями и киберугрозами. В этой связи развитие отечественных решений на основе ИИ становится не только задачей технологического прогресса, но и важным элементом национальной стратегии энергетической безопасности.

Перспективным направлением в этом контексте является разработка Каспийской цифровой информационно-аналитической платформы, которая объединит данные об энергетической инфраструктуре, экологическом состоянии и логистических цепочках стран региона. Интеграция ИИ в эту платформу позволит в режиме реального времени анализировать объемы добычи и потребления энерго-ресурсов, прогнозировать возможные кризисы и управлять энергетическими потоками с учетом факторов устойчивого развития. Такая система создаст основу для эффективного взаимодействия между странами Каспийского региона, повысит прозрачность энергетического рынка и позволит оперативно реагировать на угрозы, связанные с климатическими, экономическими и геополитическими изменениями.

В заключение следует отметить, что успешная интеграция искусственного интеллекта в энергетику требует комплексного подхода, включающего развитие инфраструктуры, кадровое обеспечение

²³ Калущина Е. 12 лучших цифровых логистических платформ. Отраслевой портал Logistics.ru. URL: <https://logistics.ru/logisticheskie-platformy> (дата обращения: 13.03.2025)

и формирование соответствующей нормативно-правовой базы. Особое внимание должно быть уделено вопросам защиты данных и обеспечения кибербезопасности, поскольку цифровизация энергетики неизбежно увеличивает ее уязвимость перед потенциальными угрозами.

Таким образом, искусственный интеллект становится не просто технологическим новшеством, а ключевым фактором энергетической безопасности XXI века. Его внедрение не только повышает

устойчивость и надежность энергосистем, но и создает основу для более гибкого, адаптивного и устойчивого энергетического будущего, в котором безопасность, эффективность и экологическая стабильность будут неразрывно связаны. Развитие цифровых платформ на региональном уровне, таких как проект для Каспийских государств, открывает новые перспективы для интеграции интеллектуальных технологий в систему глобального энергетического управления.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Danish, M. S. S., Senjyu, T. Shaping the future of sustainable energy through AI-enabled circular economy policies. *Circular Economy*. 2023;2(2):100040.
2. Жильцов С.С. Каспийский регион: новые процессы. *Россия и новые государства Евразии*. 2023;I(LVIII):57-67.
3. Shukla, V., Patel, R., Yadav, S. Deep Learning Models for Smart Grid Energy Demand Prediction. *IEEE Transactions on Smart Grids*. 2021;12(4):1456-1472.
4. Li, R., Wang, Y., Smith, T. Machine Learning for Energy Consumption Forecasting: A Systematic Review. *Renewable Energy*. 2023;192:25-38.
5. Fathi, S., Srinivasan, R. S., Kibert, C. J., Steiner, R. L. AI-based campus energy use prediction for assessing the effects of climate change. *Sustainability*. 2020;12(8):3223.
6. Kumar, N. M., Chand, A. A., Malvoni, M., Prasad, K. A. Distributed energy resources and the application of AI, IoT, and blockchain in smart grids. *Energies*. 2020;13(21):5739
7. Zhang, Y., Fischer, M., Wu, L. AI-Based Energy Infrastructure Resilience: Challenges and Future Prospects. *Energy and AI*. 2022;5:1-12.
8. Kalyuzhny, D., Chen, X., Lee, J. Artificial Intelligence in Energy Security: Cybersecurity and Grid Optimization Approaches. *Energy Policy*. 2023;156:104-118.
9. Pereira, J., Gómez, P., Martinez, L. AI-Powered Cross-Border Energy Cooperation: Emerging Trends and Challenges. *International Journal of Energy Policy*. 2021;79(2):213-229.
10. Wang, C., Zhao, H., Kumar, A. Digital Energy Platforms and AI Integration in International Energy Security. *Global Energy Review*. 2022;98(3):45-62.
11. Cherp, A., Jewell, J. The concept of energy security: Beyond the four As. *Energy Policy*. 2011;39(10):6180-6189.
12. Nøland, J., Hjelmeland, M., Korpås, M. Advanced AI Forecasting in Renewable Energy Integration. *Renewable Energy Journal*. 2024;15(3):345-361.
13. Boretti, A. Integration of solar thermal and photovoltaic, wind, and battery energy storage through AI in NEOM city. *Energy and AI*. 2021;3:100038.
14. Nøland, J. K., Hjelmeland, M., Korpås, M. Will Energy-Hungry AI create a baseload power demand boom? *IEEE Access*. 2024;12:110353-110360.
15. Boretti, A. Application of Artificial Intelligence in Oil and Gas Exploration. *Journal of Energy Resources Technology*. 2021;11(4):1451-1461.
16. Quest, H., Cauz, M., Heymann, F., Ballif, C., Rod, L. A 3D indicator for guiding AI applications in the energy sector. *Energy and AI*. 2022;9:100167.

17. Quest, R., Cauz, M., Heymann, F., Ballif, C., Rod, L. Cybersecurity in Energy Systems: Resilience Strategies. *Energy Policy*. 2022;165:112-123.
18. Трушкин А.Н. Архитектура цифровых платформ: от настоящего к будущему / А.Н. Трушкин. Екатеринбург: Ridero; 2024. 320 с.

REFERENCES:

- Danish, M. S. S., Senjyu, T. Shaping the future of sustainable energy through AI-enabled circular economy policies. *Circular Economy*. 2023;2(2):100040.
- Zhil'tsov S. S. Caspian Region: New Processes. *Russia and New States of Eurasia*. 2023;I(LVIII):57-67. (In Russ.)
- Shukla, V., Patel, R., Yadav, S. Deep Learning Models for Smart Grid Energy Demand Prediction. *IEEE Transactions on Smart Grids*. 2021;12(4):1456-1472.
- Li, R., Wang, Y., Smith, T. Machine Learning for Energy Consumption Forecasting: A Systematic Review. *Renewable Energy*. 2023;192:25-38.
- Fathi, S., Srinivasan, R. S., Kibert, C. J., Steiner, R. L. AI-based campus energy use prediction for assessing the effects of climate change. *Sustainability*. 2020;12(8):3223.
- Kumar, N. M., Chand, A. A., Malvoni, M., Prasad, K. A. Distributed energy resources and the application of AI, IoT, and blockchain in smart grids. *Energies*. 2020;13(21):5739
- Zhang, Y., Fischer, M., Wu, L. AI-Based Energy Infrastructure Resilience: Challenges and Future Prospects. *Energy and AI*. 2022;5:1-12.
- Kalyuzhny, D., Chen, X., Lee, J. Artificial Intelligence in Energy Security: Cybersecurity and Grid Optimization Approaches. *Energy Policy*. 2023;156:104-118.
- Pereira, J., Gómez, P., Martinez, L. AI-Powered Cross-Border Energy Cooperation: Emerging Trends and Challenges. *International Journal of Energy Policy*. 2021;79(2):213-229.
- Wang, C., Zhao, H., Kumar, A. Digital Energy Platforms and AI Integration in International Energy Security. *Global Energy Review*. 2022;98(3):45-62.
- Cherp, A., Jewell, J. The concept of energy security: Beyond the four As. *Energy Policy*. 2011;39(10):6180-6189.
- Nøland, J., Hjelmeland, M., Korpås, M. Advanced AI Forecasting in Renewable Energy Integration. *Renewable Energy Journal*. 2024;15(3):345-361.
- Boretti, A. Integration of solar thermal and photovoltaic, wind, and battery energy storage through AI in NEOM city. *Energy and AI*. 2021;3:100038.
- Nøland, J. K., Hjelmeland, M., Korpås, M. Will Energy-Hungry AI create a base-load power demand boom? *IEEE Access*. 2024;12:110353-110360.
- Boretti, A. Application of Artificial Intelligence in Oil and Gas Exploration. *Journal of Energy Resources Technology*. 2021;11(4):1451-1461.
- Quest, H., Cauz, M., Heymann, F., Ballif, C., Rod, L. A 3D indicator for guiding AI applications in the energy sector. *Energy and AI*. 2022;9:100167.
- Quest, R., Cauz, M., Heymann, F., Ballif, C., Rod, L. Cybersecurity in Energy Systems: Resilience Strategies. *Energy Policy*. 2022;165:112-123.
- Trushkin A.N. Digital Platform Architecture: From Present to Future. Екатеринбург: Ridero; 2024. 320 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Руслан А. Алиев кандидат экономических наук, МГИМО МИД России, Комиссия по устойчивому развитию и экологии РАС ООН, Москва, Россия; 125009, г. Москва, ул. Тверская, д. 16, офис 701 Б;
torgpredaz@gmail.com

Ruslan A. Aliyev PhD in Economics, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia; Commission on Sustainable Development and Ecology of the Russian Academy of Sciences under the UN, Moscow, Russia; Office 701B, Tverskaya St., 16, Moscow, 125009, Russia;
torgpredaz@gmail.com

Политическое развитие стран Южного Кавказа на современном этапе

Лариса М. Алексанян

*Института научной информации общественных наук Российской академии наук,
Москва, Россия,
larisa.aleksanyan@mail.ru*

Аннотация: после распада Советского союза страны Южного Кавказа столкнулись со сложной трансформацией политических процессов. Процесс государственного строительства этих стран проходил на фоне болезненных вооруженных конфликтов, социально-экономических проблем, тотальной бедности. Несмотря на то, что движение по демократическим принципам, а также развитие рыночной экономики стало приоритетным направлением для региональных государств, тем не менее, кризисы в различных сферах общественной жизни, проблемы обеспечения безопасности и отсутствие опыта государственности привели к развитию авторитарных тенденций во всех трех южнокавказских государствах. Статья посвящена изучению политических процессов в странах Южного Кавказа на современном этапе. Особое внимание уделено внутриполитической борьбе в Грузии, которая обострилась за последнее десятилетие. Анализированы социально-политические процессы в Армении, приводящие к развитию внутриполитического кризиса. Автором сделан вывод о том, что в Азербайджане фактически отсутствует соперничество между отдельными политическими силами, поскольку все полномочия сконцентрированы в руках президента, который усилил контроль над политическими процессами в стране.

Ключевые слова: Армения, Грузия, Азербайджан, Южный Кавказ, политические процессы

Для цитирования: Алексанян Л.М. Политическое развитие стран Южного Кавказа на современном этапе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2025;12(1):49-61. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-1-49-61>

Поступила 06.01.2025

Принята в печать 13.03.2025

Опубликована 30.03.2025

The Political Development of the South Caucasus Countries at the current stage

Larisa M. Aleksanyan

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,*

larisa.aleksanyan@mail.ru

Abstract: after the collapse of the Soviet Union, the countries of the South Caucasus faced a complex transformation of political processes. The process of state building in these countries took place against the backdrop of painful armed conflicts, socio-economic problems, and total poverty. Despite the fact that the movement towards democratic principles, as well as the development of a market economy, became a priority for regional states, nevertheless, crises in various spheres of public life, security issues, and the lack of experience in statehood led to the development of authoritarian tendencies in all three South Caucasian states. This article is devoted to the study of political processes in the countries of the South Caucasus at the present stage. Special attention is paid to the internal political struggle in Georgia, which has intensified over the past decade. The socio-political processes in Armenia leading to the development of an internal political crisis are analyzed. The author concludes that in Azerbaijan there is virtually no rivalry between individual political forces, since all powers are concentrated in the hands of the president, who year after year deepens his authoritarian control over the country.

Keywords: Armenia, Georgia, Azerbaijan, South Caucasus, political processes

For citation: Aleksanyan L.M. The Political Development of the South Caucasus Countries at the current stage. *Post-Soviet Issues*. 2025;12(1):49–61. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-1-49-61>

Received 06.01.2025

Revised 13.03.2025

Published 30.03.2025

ВВЕДЕНИЕ

После распада СССР государственное строительство в южнокавказских государствах характеризовалось схожими процессами. Азербайджан, Армения и Грузия проходили этап болезненной турбулентности, сталкиваясь с проблемами безопасности и экономическим кризисом. Такая сложная ситуация обострилась с отсутствием опыта государственности, которое выразалось в том, что в региональных

странах формальные институты часто заменялись неформальными отношениями, а «эффективность избранных парламентов была крайне низка» [1]. При этом во главе этих стран стояли представители бывшего советского аппарата, которые активно развивали феномен клановой и семейной организации государств.

В 2003 г. в Грузии и в 2018 г. в Армении была осуществлена смена авторитарной

власти революционным путем, что должно было быть отправной точкой развития демократических ценностей в этих государствах. В Азербайджане политическая элита, которая уже 3 десятилетия интегрирует государственное управление в семейно-клановую структуру, дальше развивает авторитарные тенденции, усилив отрыв власти от народа.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ В АРМЕНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Усиление авторитарных тенденций в период руководства страной С. Саргсяном, с одной стороны, и социально-экономические проблемы, недоверие народа к правящей элите с другой стороны, привели в 2018 г. к формированию турбулентной зоны в политическом ландшафте Армении. «8 мая 2018 г. парламент Армении под давлением уличных протестов избрал Н. Пашиняна премьер-министром страны. После прихода к власти он провел кадровую чистку не только в высшем эшелоне власти, но и в руководстве областей и городов Республики» [2].

Позиции Н. Пашиняна усилились после проведения досрочных парламентских выборов в декабре 2018 г., где убедительную победу одержал блок «Мой шаг» во главе с Пашиняном¹. Он получил конституционное большинство в Национальном собрании (88 депутатских мест из 132). В парламент прошли также партия «Светлая Армения» (18 мандатов), которая ранее входила в состав союза «Елк» («Выход») с партией Пашиняна. В парламент прошла также партия «Прцветающая Армения»

(26 мандатов) во главе с олигархом Г. Царукяном, который с апреля 2018 г. поддерживал Н. Пашиняна. Фактически, политическая власть сконцентрировалась в руках Н. Пашиняна.

Для укрепления своей власти Н. Пашинян инициировал процесс подчинения себе судебной системы. Под предлогом создания прозрачной, независимой и некоррупцированной судебной системы Н. Пашинян с мая 2019 г. приступил к реализации реформы в данной сфере², которая в действительности была направлена против отдельных лиц. В свою очередь, общество поддержало этот процесс, воспринимая судебную систему как пережиток старого режима. Таким образом, за непродолжительное время судебная власть попала почти под полный контроль премьер-министра. Исключением стал Конституционный суд (КС), поскольку судьи выступили против превращения их в инструмент исполнительной власти [3] и не поддержали стремления правящей элиты продолжить процесс гомогенизации политического пространства³. В июне 2020 г. парламент принял поправки в Конституцию страны, которые предполагали прекращение полномочий членов КС и выборы нового председателя. В сентябре того же года началось обновление КС, что по убеждению Н. Пашиняна должно было стабилизировать ситуацию. Наряду с планами по реформированию судебной системы, правительство предпринимало шаги по установлению контроля над четвертой ветвью власти – СМИ. На законодательном уровне были закреплены

¹ Early Elections to the National Assembly, 2018. Central Electoral Commission. Republic of Armenia. URL: <https://www.elections.am/Elections/Parliamentary> (дата обращения: 12.11.2024).

² Начилось внедрение вентинга судей и механизмов переходного правосудия.

³ Дунамалян Н. Конституционный кризис в Армении: как избежать «авторитарной ловушки». 24 февраля 2020. URL: <https://eurasia.expert/konstitutsionnyy-krizis-v-armenii-izbezhat-avtoritarnoy-lovushki/> (дата обращения: 11.10.2024).

ограничения на свободу слова⁴ (пятикратное увеличение штрафа за оскорбление и клевету; раскрытие источников финансирования СМИ, установление штрафа за цитирование анонимных источников; криминализация оскорбления и клевету в отношении деятельности должностного лица и т.д.).

Для стабилизации политической ситуации и монополизации власти Н. Пашинян остро нуждался в сохранении высокого уровня поддержки в обществе. Для этого было необходимо улучшить социально-экономическую ситуацию в стране и разрешить часть накопившихся проблем. Н. Пашинян, в рамках антикоррупционной компании начал репрессии против высокопоставленных представителей прежних властей. При этом, «борьба с коррупцией стала не только источником пополнения государственного бюджета, но и эффективным средством политической борьбы» [4]. Согласно Индексу восприятия коррупции за 2020 г., опубликованному международным антикоррупционным движением Transparency International, «Армения заняла 60-е место среди 180 стран (до 2018 года занимала 107-е место, в 2019 г. – 77-е место)»⁵. Для повышения

эффективности расследования коррупционных преступлений был создан единый орган - Антикоррупционный комитет (март 2020 г.)⁶. При этом в апреле того же года был принят закон «О конфискации имущества, имеющего незаконное происхождение». Несмотря на системную борьбу с коррупцией, деятельность правительства отличалась непоследовательностью в возвращении национального богатства, разграбленного олигархами [3].

В 2019 г. рост ВВП страны составил 8,2%, объем промышленной продукции вырос на 9%, объем строительства увеличился – на 4,6%, среднемесячная номинальная плата возросла – на 5,4%⁷. За период с 2018 по 2019 гг. было создано 65 тыс. новых рабочих мест⁸. В итоге, уровень безработицы снизился на 0,7 %⁹.

Несмотря на определенные экономические успехи Н. Пашиняна, его рейтинг снижался. Согласно соцопросу, проведенному Международным республиканским институтом, если в октябре 2018 г. 72% респондентов считали, что страна идет в верном направлении, то в мае 2019 г. этот показатель снизился до 60%¹⁰. Такая тенденция была обусловлена кадровой политикой Н. Пашиняна, медленными темпами

⁴ Ограничение свободы слова, давление на СМИ и насилие по отношению к журналистам: Госдеп США представил доклад о правах человека в Армении. 31 марта 2021. URL: <https://newsarmenia.am/news/society/ogranichenie-svobody-slova-davlenie-na-smi-i-nasilie-po-otnosheniyu-k-zhurnalistam-gosdep-ssha-preds/> (дата обращения: 1.12.2024).

⁵ CPI 2020 Scores for Armenia and Other Countries of the Region. URL: <https://transparency.am/storage/CPI2020-Armenia-results-en.pdf?v=2> (дата обращения: 13.11.2024).

⁶ В Армении будет распушена Специальная следственная служба, но создан Антикоррупционный комитет. 24 марта 2021 г. URL: https://arka.am/ru/news/society/v_armenii_budet_raspushchena_spetsialnaya_sledstvennaya_sluzhba_no_sozdan_antikorruptsiyonnyy_komitet/ (дата обращения: 13.12.2024).

⁷ Current operative preliminary main macro – economic indicators characterizing the socio-economic situation of RA for December 2019. Yerevan2020. URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99517558.pdf> (дата обращения: 21.11.2024).

⁸ “100 fact about New Armenia -2” – PM Nikol Pashinyan’s introductory remarks at his press conference. The Prime Minister of the Republic of Armenia. 16.09.2019. URL: <https://www.primeminister.am/en/interviews-and-press-conferences/item/2019/09/16/Nikol-Pashinyan-Press-Conference> (дата обращения: 25.10.2024).

⁹ Статистический ежегодник Армении 2020. Статистический Комитет Республики Армения. С. 98. URL: <https://armstat.am/ru/?nid=586&year=2020> (дата обращения: 13.12.2024)

¹⁰ Политический соцопрос в Армении и выводы на будущее. 14 июля 2019 г. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/38676> (дата обращения: 17.12.2024).

реформ и отсутствием ощутимых успехов в улучшении жизни населения.

Новым испытанием для руководства Армении стала пандемия Covid-19, начавшаяся с 2020 г. На ее фоне осложнилась социально-экономическая ситуация в стране¹¹, что способствовало увеличению недовольства в обществе и росту внутривнутриполитической напряженности. Согласно соцопросу, проведенному GALLUP International, в период вспышки коронавируса (март-июль 2020 г.) уровень доверия к Пашиняну снизился: с 82% до 68%, а электоральный рейтинг блока «Мой шаг» с 62% до 49%¹². Одновременно наблюдалось усиление конкуренции в правящей элите.

Поражение Армении в Нагорно-Карабахской войне (осень 2020 г.) привело к внутривнутриполитическому кризису в Армении. Доверие к правительству было подорвано. Ряд высокопоставленных чиновников ушли в отставку или были уволены, а президент Армен Саркисян и католикос всех армян Гарегин II призвали к отставке правительства. 17 политических оппозиционных партий, в том числе партия С. Саргсяна, воспользовавшись ошибками власти и резким падением общественного доверия к ней, начали активную политическую борьбу, требуя отставку Н. Пашиняна. «Динамика протестных акций дважды достигала своего пика (декабрь 2020 г. и февраль 2021 г.), но затем шла на спад»¹³. Выступления населения

и политическая борьба привели к падению популярности Н. Пашиняна и его партии. Согласно социологическим опросам, низкий рейтинг имела и оппозиция, которая продолжала быть раздробленной¹⁴. Такая ситуация объяснялось поствоенной апатией у большей части общества и разочарованием всеми политическими силами страны.

На фоне такой ситуации в марте 2021 г. Пашинян подал в отставку и объявил о внеочередных парламентских выборах, считая это единственным способом добиться сохранения своей власти. После объявления о проведении выборов, Н. Пашинян проводил уличные акции для мобилизации электората, вел пропагандистскую кампанию против оппозиции, в частности экс-президентов С. Саргсяна и Р. Кочаряна, которые, в свою очередь, осуждали Пашиняна в предательстве и сдаче территорий Азербайджану.

Вопреки социологическим опросам на внеочередных выборах, которые прошли 20 июня 2021 г., победила партия «Гражданский договор» во главе Николом Пашиняном. Она получила 53,91% голосов. В парламент прошли также основные оппоненты Пашиняна – блок «Айастан» во главе Р. Кочаряном (21,9%) и блок «Честь имею» С. Саргсяна (5,22%)¹⁵. Победа Пашиняна стала возможной в силу нескольких основных факторов. Прежде всего, оппозиция не предлагала альтернативную стратегию развития страны и пути

¹¹ Статистические данные. Статистический комитет РА. URL: <https://armstat.am/ru/> (дата обращения: 13.12.2024).

¹² Рейтинг Пашиняна продолжает падение. 30 апреля 2021 г. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/49007> (дата обращения: 17.11.2024).

¹³ Маркедонов С. Отставка ради власти: почему Никола Пашиняна рано списывать со счетов. 29 марта 2021. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/424769-otstavka-radi-vlasti-pochemu-nikola-pashinyana-rano-spisyvat-so-schetov> (дата обращения: 17.12.2024).

¹⁴ 58 % поддерживают проведение внеочередных выборов в Армении: соцопрос. 21 февраля 2021. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/47068> (дата обращения: 17.12.2024).

¹⁵ Early Elections to the National Assembly, 2021. URL: <https://www.elections.am/Elections/Parliamentary> (дата обращения: 29.11.2024).

разрешения Карабахского конфликта. Кроме того, значительная часть общества не доверяла оппозиции, в которую входили политики, которые находились у власти после распада СССР. Соответственно они продолжали верить Н. Пашиняну, считая, что его поражение станет катастрофой [5].

После победы на выборах, Н. Пашинян продолжил курс на монополизацию политического пространства страны, оказание давления на оппонентов. Можно утверждать, что если «бархатная революция» привела к улучшению ключевых демократических показателей в Армении¹⁶, то выборы 2021 года создали условия для развития авторитарных тенденций в стране. Снижение индекса демократии Армении, зафиксированное в ежегодном докладе (2024 г.) американского аналитического центра Freedom House, объясняется, в первую очередь, целью правящей элиты консолидировать исполнительную власть и отсутствием прозрачности в финансах правящей партии¹⁷.

Наглядным примером авторитарных тенденций стали выборы в столичную мэрию в 2023 г., «которые ознаменовались злоупотреблением административным ресурсом со стороны правящей партии»¹⁸. Замедлился прогресс в борьбе с коррупцией, что Transparency International объясняет «нарушением системы сдержек

и противовесов, обеспечения добросовестности в правоохранительной деятельности, обеспечения независимости судебной системы и защиты гражданского пространства»¹⁹. В отчете Freedom House подчеркивается, что «суды сталкиваются с системным политическим влиянием, а судебные институты подорваны коррупцией»²⁰. Кроме того, по состоянию на середину 2022 г. только 32 % мер, изложенных в пятилетней стратегии судебной реформы от 2019 г., были реализованы.

Армения продолжает находиться в политической турбулентности, вызванной, в первую очередь, внешнеполитической стратегией правящей элиты в отношении Азербайджана. Вопросы национальной безопасности играют важную роль в формировании политического ландшафта в Армении и усугубляют поляризацию между правящей партией и оппозиционными силами. Уступчивая позиция руководства Армении нередко вызывает недовольство также народа. Согласно опросу армянского представительства GALLUP International Association (май 2024 г.), 41,1% опрошенных абсолютно отрицательно оценили деятельность Н. Пашиняна, и лишь 19,1% считали, что Пашинян не должен подавать в отставку²¹. Недовольство народа часто выражалось через протестные акции. Самым масштабным с 2021 г. стал многотысячный антиправительственный

¹⁵ Early Elections to the National Assembly, 2021. URL: <https://www.elections.am/Elections/Parliamentary> (дата обращения: 29.11.2024).

¹⁶ Armenia. Nations in transit 2019. URL: <https://freedomhouse.org/country/armenia/nations-transit/2019> (дата обращения: 13.12.2024).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ CPI 2023 for Eastern Europe and Central Asia: Autocracy and weak justice systems Enabling Widespread Corruption. 30.01.2024. URL: <https://www.transparency.org/en/news/cpi-2023-eastern-europe-central-asia-autocracy-weak-justice-systems-widespread-enabling-corruption>freedomhouse.org/country/armenia/nations-transit/2024

²⁰ Armenia. Nations in transit 2024. URL: <https://freedomhouse.org/country/armenia/nations-transit/2024> (дата обращения: 12.06.2024).

²¹ Более 40 % участников опроса в Армении отрицательно оценили деятельность Пашиняна. 15 мая 2024. URL: <https://www.interfax.ru/world/960596> (дата обращения: 11.12.2024).

митинг в мае 2024 г., связанный с новыми территориальными уступками руководства Н. Пашиняна в отношениях с Азербайджаном. Однако эти акции, которые возглавлял представитель Армянской апостольской церкви архиепископ Баграт Галстанян, не стали результативными и спустя некоторое время пошли на спад из-за отсутствия политического лидера и четкого плана действий. 50% опрошенных жителей Армении не смогли назвать того, кто мог бы возглавить переходное правительство и лишь 6,7 % считали, что им должен быть архиепископ.

Несмотря на то, что протестные акции во главе архиепископа утихли и не достигли своей цели, недовольство народа продолжает расти. Об этом свидетельствуют выборы в Совет старейшин города Гюмри, которые пройдут 30 апреля 2025 г. На них будет избран мэр второго по численности города страны. Дело в том, что правящая партия впервые не смогла добиться большинства, получив меньше половины мандатов – 14 из 33. Оппозиционные силы, прошедшие в Совет старейшин, объявили, что будут поддерживать единого кандидата и В. Гукасяна (бывший мэр города) на должность главы города. Таким образом, эти выборы стали катализатором растущего недоверия населения к партии Пашиняна. Можно предполагать, что успех представителя бывшей элиты напрямую стал доказательством ослабленных позиций правящей партии.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

В 2015 г. на фоне ощутимого спада в сфере добычи нефти и падения цен на нефть, азербайджанская валюта подверглась инфляции, что привело к значительному скачку цен и снижению реальных доходов населения²². Наблюдался переход от рекордного экономического роста к рецессии ВВП (в 2015 г. составил 1,1%)²³, что стало сильным ударом по экономике. На фоне экономического спада, безработицы и резкого роста на продукты в начале 2016 г. был спровоцирован ряд митингов в 12 населенных пунктах страны²⁴. Несмотря на то, что протесты носили экономический характер, тем не менее, вина была возложена на оппозиционные силы и религиозные элементы. Силы структуры разгоняли митинги и задержали правозащитников, журналистов, политических и религиозных лидеров²⁵. Для преодоления недовольства общества и обеспечения общественной поддержки в сложной экономической ситуации президент И. Алиев также использовал карабахский фактор. Таким образом, была сделана попытка оправдать большие расходы на оборону и сплотить общество против внешнего врага²⁶.

Закреплением позиций правящей элиты в Азербайджане стала конституционная реформа 2016 г. Она предусматривала продление президентского срока на 7 лет, учреждение нового поста первого

²² Доклад Amnesty International 2015/2016: Права человека в современном мире. 1 февраля 2016. С. 82. URL: <https://www.refworld.org.ru/topic/51dc06c14,51dc104c98,56cdeb674,0,,,AZE.html> (дата обращения: 12.12.2024)

²³ Azerbaijan. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD.ZG?locations=AZ> (дата обращения: 15.11.2024).

²⁴ Thomas De Waal, указ. соч.

²⁵ Доклад Amnesty International 2016/2017: Права человека в современном мире. 27 февраля 2017. С. 52-53. URL: <https://www.refworld.org.ru/topic/51dc06c14,51dc104c98,5901b0cc4,0,,,AZE.html> (дата обращения: 15.12.2024).

²⁶ Voronkova A. New ceasefire in Nagorno-Kharabakh: no cause for optimism. 18 April 2016. URL: <http://web.archive.org/web/20160920072816/http://www.peep.us/3536d006> (дата обращения: 13.12.2024).

вице-президента, на который впоследствии была назначена супруга президента Мехрибан Алиева. В 2018 г. в президентских выборах И. Алиев снова был избран президентом страны. Глава государства, учитывая усиление социальной поляризации и народного недовольства на фоне экономического спада, в 2019 г. инициировал несколько мер, направленных на экономическую и политическую модернизацию²⁷. Президент также организовал кадровые изменения, отстранил от должностей некоторых лиц, считавшихся сторонником репрессивной политики последних лет. Однако, массовая фальсификация досрочных парламентских выборов 2020 г. привела к сильному разочарованию в обществе²⁸. Меры, предпринятые президентом в 2019 г., не были направлены на реальные изменения внутривнутриполитической и социально-экономической ситуации в стране, которая все больше усложнялась на фоне распространения коронавирусной пандемии и ужесточения контроля, ограничивающего свободу выражения мнений²⁹. В 2019 г. темпы роста упали до 1,3%, в 2020 г. валовой продукт сократился на 11,3%, совокупный объем инвестиций уменьшился на 4%, резко возросло число безработных (45,2%) [1]. На фоне этих процессов происходила инфляция маната и увеличение государственного долга.

Сложная социально-экономическая ситуация очередной раз вызвала недовольство народа.

Для подавления народных волнений и укрепления своей власти Алиев снова использовал «карабахский фактор». В сентябре 2020 г. началась война против непризнанной Нагорно-Карабахской Республики. Победа в войне привела к невероятному росту популярности И. Алиева в стране и нейтрализации всех его оппонентов. Однако, эта волна патриотизма, национальной гордости и эйфории не может быть вечной и в обозримом будущем режим И. Алиева вновь может столкнуться с прежними вызовами: ухудшением социально-экономической ситуации в стране (высокая инфляция и стагнация ВВП в 2023 г.) и активизация общества, в частности усиление исламского фактора.

В феврале 2024 г. были проведены досрочные выборы на пост президента, на которых И. Алиев был переизбран. При этом, в ежегодном отчете Freedom House, зафиксировано, что «коррупция в стране процветает, официальная политическая оппозиция ослаблена из-за преследований, масштабно подавлены гражданские свободы»³⁰.

В целом, «за последние 10 лет Азербайджан продолжает неуклонно спускаться в международных рейтингах в отношении соблюдения демократических принципов и свободы слова»³¹.

²⁷ Права человека в Восточной Европе и Центральной Азии в 2019 г. 2020. URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/5f2cf6134.pdf> (дата обращения: 3.12.2024).

²⁸ Azerbaijan. Nations in transit 2021. URL: <https://freedomhouse.org/country/azerbaijan/nations-transit/2021> (дата обращения: 3.12.2024).

²⁹ Azerbaijan: Events of 2019. 2020. URL: <https://www.hrw.org/world-report/2020/country-chapters/azerbaijan> (дата обращения: 3.12.2024).

³⁰ Следует отметить, что в 2021 г. показатели Азербайджана по индексу свободы прессы «Репортеры без границ» ухудшились. Азербайджан на сегодняшний день занимает 167 место среди 180 стран по показателям свободы слова. См. Azerbaijan. 2021. URL: <https://rsf.org/en/azerbaijan> (дата обращения: 3.11.2024).

³¹ Azerbaijan's crackdown on the opposition and the independent media continues unabated // Equal Times. 4 April 2024. URL: <https://www.equaltimes.org/azerbaijan-s-crackdown-on-the?lang=en> (дата обращения: 12.12.2024).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В ГРУЗИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Новый политический цикл в Грузии начался с 2012-2013 гг., когда в результате выборов (2012 г.) конституционное большинство в парламенте составили оппозиционные силы во главе коалиции «Грузинская мечта» (ГМ), а президентом страны был избран (2013г.) Г. Маргвелашвили от коалиции ГМ. В роли парламентской оппозиции начала выступать бывшая правящая партия «Единое национальное движение» (ЕНД). Таким образом, «в грузинском парламенте сложилась ситуация сосуществования двух главных политических сил по классической схеме: власть – оппозиция» [4].

В 2013 г. вступила в силу конституционная реформа, которая предполагала переход от президентской формы правления к парламентской форме. Поправки в Конституцию привели к кризису в исполнительной власти, вызвав острое соперничество между президентом и премьер-министром с расширенными конституционными полномочиями. На фоне борьбы за власть президент Г. Маргвелашвили перестал подчиняться правящей партии и начал проводить собственную политическую линию, несогласованную с неофициальным лидером ГМ Б. Иванишвили. Таким образом, политическая система страны оказалась под угрозой дестабилизации. Для преодоления данного вызова правящая партия во главе Б. Иванишвили инициировала новые конституционные поправки (вступили в силу в 2017 г.³²), превращающие пост

президента в чисто представительскую силу и нейтрализующие институт президента в целом.

Ведущая оппозиционная партия ЕНД, в свою очередь, не выступала с сильных позиций в силу низкой репутации Саакашвили в обществе. Позиции партии оказались под ударом процесса «восстановительного правосудия» в отношении бывших чиновников ЕНД за различные коррупционные действия и злоупотребление служебным положением³³.

В результате парламентских выборов 2016 г. в парламент прошли не только ГМ (48,67%) и ЕНД (27,11%), но и партия «Альянс патриотов Грузии» (5,01%)³⁴. Во втором туре выборов убедительную победу одержала правящая партия, в целом поучив 115 мест в парламенте из 150. Несмотря на безоговорочную победу ГМ в выборах, было зафиксировано снижение ее популярности в обществе, что было вызвано с ростом недоверия электората к политическим силам в целом. На фоне массового недоверия обострилась внутрипартийная ситуация «мечтателей». Для предотвращения дальнейшего раскола партии, в апреле 2018 г. Б. Иванишвили вернулся в большую политику и стал председателем ГМ. В сложной ситуации оказалась ЕНД, партийная структура которого в начале 2017 г. раскололась между фанатичными сторонниками М. Саакашвили и умеренно настроенной группой во главе Г. Бокерия и Д. Бакрадзе, которая «быстро преобразовалась в отдельную политическую структуру под названием «Европейская Грузия» [4].

³² Грузия обновила конституцию: после 2018 прямых выборов президента не будет. Русская служба. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41620187> (дата обращения: 12.12.2024).

³³ Secire M. Georgia. Nations in Transit 2017. URL: <https://freedomhouse.org/country/georgia/nations-transit/2017> (дата обращения: 21.11.2024).

³⁴ Georgian Parliamentary Elections 2016: Preliminary results. URL: http://gov.ge/files/58034_58034_905803_20161019Factsheetonelectionresults.pdf (дата обращения: 21.12.2024).

Президентские выборы в 2018 г. выступили в качестве своеобразного испытания на прочность правящей партии ГМ и силу расколовшейся ЕНД. В результате этих выборов³⁵ стало ясно, что позиции правящей элиты не так прочны и ГМ постепенно лишается легитимности. Выборы также акцентировали тенденцию роста электро-альной конкуренции и политической активности общества.

Кризис правящей силы отразил разочарования грузинского общества в политике ГМ, которая не справилась со сложным экономическим положением страны и ростом бедности. «Грузинского чуда», которое Иванишвили обещал грузинам в 2012 г., не случилось [6]. С 2013 г. снизились темпы роста ВВП, составляя 2,8-4,8% в год (в 2004-2007 гг. этот показатель равнялся 8% ежегодно, в 2010-2012 гг. – 6,6%)³⁶, сохранился высокий уровень безработицы (в 2018 г. составил 19,2% с тенденцией роста в последующие годы)³⁷, 1/5 часть населения проживала в условиях абсолютной бедности (2018 г.).

На фоне углубления общественного недовольства с 2018 г. демонстрации и митинги стали неотъемлемой частью политической жизни в Грузии. «Дестабилизация политической системы страны началась с июня 2019 г. Поводом послужило проведение Межпарламентской ассамблеи православия с участием российской делегации и приглашением российского депутата на президиум» [7]. Оппозиционные политические силы, в первую очередь, ЕНД, активизировались, стараясь направить протестный потенциал против руководства страны и обострять внутривнутриполитическую

ситуацию. Однако раздробленной оппозиции это не удалось, и народные волнения утихли в силу обещаний Б. Иванишвили по изменению избирательной системы и некоторым кадровым перестановкам. Уступки этим и закончились.

Осенью 2019 г. ГМ во главе Б. Иванишвили ужесточила свою позицию, что отразилась в назначении Г. Гахария на пост премьер-министра и провале голосования в парламенте по изменению избирательной системы. Позиция Иванишвили привела к новым волнениям, которые уже были направлены именно против личности Иванишвили. Очередной кризис выявил слабость позиций ГМ и его председателя. Этот шанс снова был упущен оппозиционными силами, которые не смогли объединиться и мобилизовать общественное недовольство.

Пиком внутривнутриполитического кризиса стали парламентские выборы в октябре 2020 г. «После первого тура оппозиционные партии бойкотировали второй тур голосования по одномандатным округам, что способствовало формированию конституционного большинства партией ГМ» [8]. Эта победа не говорила о популярности правящей партии. Наоборот, ГМ столкнулась с дефицитом легитимности. Политический кризис ухудшился с бойкотированием работы парламента оппозиционными силами, что трансформировался в уличные протесты. «Оппозиционные силы, выступая широким фронтом, требовали отмены результатов выборов и проведения нового голосования» [4]. Взаимоотношения власть-оппозиция зашли в тупик. Лишь через полгода в апреле

³⁵ С. Зурабишвили удалось одержать победу лишь во втором туре с небольшим перевесом голосов.

³⁶ Грузия: особенности экономического роста. Аналитический центр при правительстве РФ. Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Июль 2019. Вып. 46. С. 3.

³⁷ Employment and unemployment. National Statistics Office of Georgia. URL: <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/683/Employment-Unemployment> (дата обращения: 1.12.2024).

2021 г. правящая партия ГМ и оппозиционные силы, кроме ЕНД, договорились о преодолении внутривнутриполитического кризиса, согласившись на условия, предложенные главой Евросовета Ш. Мишелем³⁸. В частности, стороны договорились о возобновлении работы оппозиционных сил в парламенте, объявлении амнистии всех арестованных лиц, участвовавших в митингах в июне 2019 г., возможном проведении досрочных парламентских выборов. В июне 2021 г. ЕНД также заявил о прекращении своего бойкота и возвращении к работе в парламенте, при этом отказываясь от присоединения к предложениям Ш. Мишеля³⁹.

Внутриполитическая ситуация накалилась возвращением Саакашвили в Грузию в октябре 2021 г. и его задержанием. В преддверии местных выборов арест Саакашвили вызвал волну митингов в Грузии, однако непопулярность либеральной оппозиции и неоднозначная репутация самого Саакашвили привели к спаду этих волнений. Несмотря на такое развитие дел, в 2023 г. Саакашвили заявил о возвращении в большую политику, надеясь, в первую очередь, на поддержку западных сил, которые недовольны правящей партией и ищут замену им. Напряженность

между Западом и ГМ увеличилась весной 2023 г., когда парламент Грузии собирался принять закон об иноагентах⁴⁰. Рассмотрение законопроекта вызвало массовые протесты в разных городах Грузии, организатором которых была партия Саакашвили. Под давлением протестных акций ГМ отозвала законопроект, однако в 2024 г. повторно внес его на рассмотрение в парламент. Несмотря на масштабные беспорядки, организованные оппозиционными силами и поддерживаемые Западом, законопроект был принят. Этим шагом «мечтатели стараются легитимировать свою власть в преддверии выборов в октябре 2024 г. и показать, что финансовая поддержка оппозиционных сил в большинстве случаев происходит извне и общественные протесты в целом не отражают мнение народа»⁴¹.

Вмешательство исполнительной и законодательной власти в работу судов остается существенной проблемой в Грузии⁴². Олигархи продолжают влиять на формирование политического ландшафта в стране, оппозиционные силы подвергаются физическим нападениям. Коррупция в правительстве сохраняется, а свобода СМИ подрывается давлением на журналистов. Эти явления привели к дефициту доверия

³⁸ Саакашвили за бортом: как Грузия выходит из политического кризиса в Грузии, власти и оппозиция заключили перемирие. 20 апреля 2021. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/04/20_a_13566476.shtml?updated (дата обращения: 1.12.2024).

³⁹ Война бывшего: почему партия Саакашвили вернулась в парламент Грузии. 2 июня 2021. URL: <https://iz.ru/1172340/igor-karmazin/voina-byvshego-pochemu-partiia-saakashvili-vernulas-v-parlament-gruzii> (дата обращения: 1.12.2024).

⁴⁰ Авторы законопроекта предложили создать в Минюсте Грузии реестр НПО и СМИ, которые получают финансирование из зарубежных источников, что позволяет им оказывать влияние на общественное мнение. СМ. Что известно об истории рассмотрения закона об иноагентах в Грузии. 28 мая 2024. URL: <https://tass.ru/info/17223599> (дата обращения: 12.12.2024).

⁴¹ Пауза в отношениях: Брюссель заморозил интеграцию Грузии в ЕС. 15 июля 2024. URL: https://sapa.media/longread/pauza-v-otnosheniyah-bryussel-zamorozil-integracziyu-gruzii-v-es/?amp&fbclid=IwZXh0bgNhZW0CMTEAAR0rdfKxjWqOhQWSTEvC1IPgcue8JAGki922Ae1IcFFUYkhxi9J4mArcnzE_aem_TSFrbZDBmA3pFxFp3Krfwg (дата обращения: 14.12.2024)

⁴² Georgia. Freedom in the World 2024. URL: <https://freedomhouse.org/country/georgia/freedom-world/2024> (дата обращения: 14.12.2024)

народа к ГМ и неслучайно, что согласно опросу Международного республиканского института (IRI, 2022 г.) лишь 25 % опрошенных поддерживали политику правящей элиты⁴³. Более низкой популярностью выделяются оппозиционные силы, в силу чего ГМ продолжает сохранять власть в своих руках.

В преддверии парламентских выборов 2024 г. политическая обстановка в Грузии накалялась и крайне хрупкая стабильность оказалась под угрозой. Эта угроза стала очевидной сразу после выборов, когда в результате победы правящей партии ГМ (54% голосов), начались масштабные уличные протесты. Эти протестные акции координировались со стороны оппозиционных сил и различных НПО, которые отказались признавать результаты выборов, а также выборы президента Грузии, которые впервые прошли в коллегии выборщиков без представителей оппозиции. Триггером протестных акций стало также заявление премьер-министра страны И. Кобахидзе о приостановке переговоров о вступлении в ЕС до 2028 г.⁴⁴. Несмотря на масштабность и интенсивность этих акций, оппозиция не смогла достичь государственного переворота, о чем неоднократно говорили в зарубежных и местных СМИ. Таким образом, парламентские выборы 2024 г., вызвавшие очередной политический кризис в стране, стали судьбоносным для Грузии. Они определили дальнейшее развитие государства, которое стояла перед выбором

между антироссийской и прагматичной внешней политикой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политический ландшафт Армении сильно поляризован. Соперничество между политическими партиями определяется не идеологиями и программами, а лидерами, в силу чего эффект персонализации политики продолжает влиять на политический процесс страны. Более того, глава Армении Н. Пашинян сосредоточивает власть в своих руках, развивая авторитарные тенденции в стране.

Политическая траектория Азербайджана характеризуется неуклонно укреплением полномочий президента, который достиг своего пика со дня получения независимости. Внутриполитической стабильности Азербайджана характерны такие черты, как монополизированное политическое пространство и маргинализированные оппозиционные силы.

После парламентских выборов 2012 г. политическая система Грузии трансформировалась от авторитаризма к гибриднему режиму. «На современном этапе Грузия сталкивается с политической турбулентностью, которая обусловлена кризисом партийно-политической системы» [7]. Несмотря на то, что правящая партия сконцентрировала власть в своих руках, тем не менее, обладает низкой легитимностью и не имеет потенциал обеспечения стабильности в стране.

⁴³ Опрос IRI в Грузии: большинство населения выступает за евроинтеграцию и против безвиза для россиян. 9 ноября 2022. URL: <https://www.golosameriki.com/amp/iri-poll-public-attitudes-and-political-ratings/6826351.html> (дата обращения: 14.12.2024)

⁴⁴ Это решение стало реакцией на резолюцию Европарламента, не признавшего результаты парламентских выборов в Грузии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мигранян А. Южный Кавказ: 30 лет турбулентности. *Всероссийский экономический журнал ЭКО*. 2022;52(5):29-59.
2. Алексанян Л. Политические процессы в Армении после «Бархатной революции». *Востоковедение и африканистика*. 2023;3:67-75.
3. Abadjian V. Pashinyan's Gambit or Armenia's Failed Revolution. *Acta Via Serica. June*. 2020;5(1):121-152.
4. Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы. Под ред. Соловьев Э., Чуфрин Г. Москва: ИМЭМО РАН; 2020. 276 с.
5. Ананьев А. Внутриполитическое положение в Армении после карабахского конфликта. *Международная жизнь*. 2021;2:94-111.
6. Федоровская И. Политическая ситуация в Грузии за год парламентских выборов. *Россия и новые государства Евразии*. 2019;IV(XLV):59-67.
7. Карпович О., Ногмова А., Алексанян Л. Политический процесс в Грузии на современном этапе. *Центральная Азия и Кавказ*. 2019;22(4):56-66.
8. Карпович О., Шариков О. Россия и Грузия: время взаимодействовать. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(1):20-32. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-20-32>

REFERENCES:

1. Migranyan A. South Caucasus: 30 years of turbulence. *All-Russian economic journal. ECO*. 2022;52(5):29-59. (in Russ.).
2. Aleksanyan L. Political processes in Armenia after the «Velvet revolution». *Oriental and African Studies*. 2023;3:67-75. (in Russ.).
3. Abadjian V. Pashinyan's Gambit or Armenia's Failed Revolution. *Acta Via Serica. June*. 2020;5(1):121-152.
4. Political processes in the post-Soviet space: new trends and old problems. Ed. Soloviev E., Chufirin G. Moscow: IMEMO RAS; 2020. 276 p. (in Russ.).
5. Ananyev A. Internal political situation in Armenia after the Karabakh conflict. *International Affairs*. 2021;2:94-111 (in Russ.).
6. Fedorovskaya I. Political situation in Georgia during the year of parliamentary elections. *Russia and new states of Eurasia*. 2019;IV(XLV):59-67. (in Russ.).
7. Karpovich O., Nogmova A., Aleksanyan L. The political process in Georgia at the present stage. *Central Asia and the Caucasus*. 2019;22(4):56-66. (in Russ.).
8. Karpovich O., Sharikov O. Russia and Georgia: Time to Interact. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(1):20-32. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-20-32> (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лариса М. Алексанян

кандидат политических наук,
Института научной информации общественных наук Российской академии наук,
Москва, Россия; 117418, г. Москва, ул. Нахимовский проспект, д. 51/21;

larisa.aleksanyan@mail.ru

Larisa M. Aleksanyan

PhD in Political Sciences,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; bld. 51/21, Nakhimovskiy prospect str., Moscow, 117418, Russia;

larisa.aleksanyan@mail.ru

Ключевые вызовы развития современной Испании: политические и экономические аспекты

Олег Г. Карпович

*Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,
iskran@yahoo.com*

Аннотация: Статья посвящена анализу основных политических и экономических вызовов, стоящих перед сформированным в 2023 г. коалиционным правительством левых сил ИСРП-Сумар. В работе охарактеризованы позиции правящего блока и дана оценка влиянию националистических партий Каталонии и Страны Басков на механизм выработки решений в испанском парламенте. В частности, отмечены появившиеся для центральных властей риски, связанные с принятием в 2024 г. закона об амнистии каталонских политиков. Помимо этого, выявлены внешнеполитические факторы, влияющие на развитие Испании. Отдельное внимание уделено группе социально-экономических вызовов на повестке дня королевства. Показана характеристика основных макроэкономических показателей Испании за 2023 г., выделены проблемные области и отмечены возможные направления для улучшения ситуации в кризисных зонах. В тексте также сопоставлены правовые основы территориального устройства Испании и Украины в части взаимодействия по линии центр-регионы. Автором подчеркнута ограниченность возможностей украинских областей по защите своих интересов в политическом процессе страны. В заключительной части работы приведена оценка среднесрочных перспектив устойчивости и успешности коалиционного правительства Педро Санчеса.

Ключевые слова: Испания, Европейский союз, Каталония, Страна Басков, парламент, партия, политика, экономика

Для цитирования: Карпович О.Г. Ключевые вызовы развития современной Испании: политические и экономические аспекты. *Проблемы постсоветского пространства.* 2025;12(1):62-72. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-1-62-72>

Поступила 12.01.2025

Принята в печать 21.03.2025

Опубликована 30.03.2025

Key challenges to the development of modern Spain: political and economic aspects

Oleg G. Karpovich

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

iskran@yahoo.com

Abstract: The article analyzes the main political and economic challenges to the left-wing PSOE-Sumar coalition government formed in 2023. The paper characterizes the positions of the ruling bloc and assesses the influence the Catalan and Basque nationalist parties have on the decision-making process in the Spanish Parliament. In particular, the risks for the central authorities after the adoption of the amnesty law for Catalan separatists in 2024 are highlighted. Additionally, foreign policy factors influencing the development of Spain are revealed. Special attention is paid to the group of socio-economic challenges on the agenda of the Kingdom. The article gives an overview of the main macroeconomic indicators of the country in 2023, underscores problem areas and presents possible directions for improving the economic policy. The research also compares the legal basis of the Spanish and Ukrainian territorial structure in terms of interaction between the center and regions. The author emphasizes the limited capacity of the Ukrainian regions to protect their interests in the political process of the country. The paper concludes with an assessment of the medium-term prospects for Pedro Sanchez's coalition government.

Keywords: Spain, European Union, Catalonia, Basque Country, parliament, party, politics, economy

For citation: Karpovich O.G. Key challenges to the development of modern Spain: political and economic aspects. *Post-Soviet Issues*. 2025;12(1):62–72. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-1-62-72>

Received 12.01.2025

Revised 21.03.2025

Published 30.03.2025

INTRODUCTION

Problems in the interaction between the center and the regional authorities, culturally and linguistically distinct, are a significant domestic political challenge for a number of unitary states, including Spain and Ukraine. During their state-building process in the final quarter of the 20th century, the governments in Madrid and Kiev faced the task of creating a stable territorial structure that would consider

the interests of all regions. Both states adopted different strategies to meet this challenge. While in Ukraine, the contradictions between the center and the south-eastern regions have escalated into an armed conflict, in Spain regional issues are resolved within the framework of the national Parliament.

The establishment of the second consecutive minority coalition government in November

2023, comprising the Spanish Socialist Workers' Party (span. PSOE) and the Sumar alliance, two left-wing forces, confirmed the need for Spain's central authorities to maintain sustained engagement with the nationalist parties in Catalonia and the Basque Country. In the 350-seat Congress of Deputies, the lower chamber of the Spanish Parliament, the ruling coalition has only 152 mandates and 176 votes are needed for a majority. In this context, the Republican Left of Catalonia (RLC, 7 seats) and the party Together for Catalonia (7 seats), as well as the Basque movement EH Bildu (6 seats) and the Basque Nationalist Party (BNP, 5 seats) could together provide a majority for a government led by Pedro Sanchez, head of the PSOE¹.

While the center is dependent on two large regions with traditionally strong nationalist groups, Madrid faces a number of political and economic challenges. Among the political ones, it is worth highlighting the following: 1) the ongoing crisis in relations with Catalonia, where the goals of holding a new referendum on the region's status remain on the agenda; 2) the existence of public discontent over the center's concessions in favor of Catalan nationalists; 3) the unstable geopolitical situation. As far as economic challenges are concerned, it is necessary to pay attention to three areas: 1) the unemployment rate not falling below 10%; 2) high public debt exceeding 10% of GDP; 3) inflation negatively affecting the real disposable income of the population.

Amid various types of crises in the European area, aggravated in connection with the approval of numerous packages of anti-Russian sanctions, it seems relevant to reveal the challenges in the political and economic spheres for one of the largest states of the European

Union. The identification of problems, along with the highlighting of prospects for their solution, will make it possible to characterize the degree of stability of the current coalition government of Pedro Sanchez and assess the future direction of the Kingdom's domestic political development.

TERRITORIAL SPECIFICS OF SPAIN AND UKRAINE

The presence of crisis tendencies in relations between the center and the regions is a characteristic element of internal political development for a number of other unitary states. One of such countries in Europe is Spain, where the Catalan problem has persisted throughout the XX-XXI centuries. Among the states of the post-Soviet area it is worth mentioning Ukraine, whose authorities in the 2010s failed to prevent the growing contradictions between Kiev on the one hand, and the Autonomous Republic of Crimea, the regions of Donetsk and Lugansk on the other.

In order to determine the reasons for the existing challenges in the relations between the center and the regions in both Spain and Ukraine, it is necessary to compare the legislative principles that laid down the basis of the territorial structure of the two states.

The formation of the modern political and legal systems of Spain and Ukraine took place in the final quarter of the 20th century. In the Iberian state it began after the death of Francisco Franco in 1975. The country embarked on the path of democratic transformation. It meant a transition from the Franco dictatorship, which lasted from 1939 to 1975, to parliamentary democracy in the form of a constitutional monarchy. At the center of this process was the adoption of the Constitution

¹ Elecciones generales en España, 23 de julio de 2023. Resultados // El País, 24.07.2023. URL: <https://elpais.com/espana/elecciones/generales/> (accessed: 02.10.2024)

in 1978², which laid the foundations for the current format of interaction between the central government and the regions. Spain became a unitary state and a parliamentary monarchy was proclaimed as the form of government.

At the same time, the process of creating a new state system in Ukraine began more than 10 years later – after the disintegration of the USSR in 1991. Its legal foundation was enshrined in the Constitution, which was approved by the country's Parliament in 1996³. The state was also declared unitary.

A common element of the territorial structure of both countries was the presence of regions with historical and linguistic peculiarities remote from the center. In Spain, these were Catalonia and the Basque Country, while in Ukraine such territories were the Autonomous Republic of Crimea, the regions of Donetsk and Lugansk with large Russian-speaking population. It is important to note that the two unitary states had fundamentally different legal bases for their constituent regions, which predetermined a higher level of breakaway aspirations in Ukraine.

Firstly, in Spain, the Constitution established a bicameral Parliament – the Cortes, consisting of the Congress of Deputies and the Senate, which is not typical for unitary countries. In turn, Ukraine has a unicameral Parliament – the Supreme Council. Therefore, opportunities for regional representation in law-making bodies are more developed in the Iberian state than in Ukraine.

Secondly, the relevant articles of the Constitutions defined the position of regions in the political system of the two countries differently. Thus, article 143 of the Spanish Constitution proclaimed that neighboring provinces, distinguished by «common historical, cultural and economic features, representing a single historical area, may obtain self-government and form autonomous communities»⁴. Using this mechanism, 17 autonomies were formed in the Kingdom. Each of them has its own legislative, executive and judicial authorities with varying degrees of autonomy. In contrast, the Ukrainian Constitution of 1996 did not grant regions the right to form autonomies. Article 132 enshrined the principle of «combination of centralization and decentralization» in the territorial structure of the country⁵.

Thirdly, the model of center-region interaction in Spain is more flexible than in Ukraine. The Iberian state created the legal mechanism of the statutes of autonomy. In particular, Catalonia and the Basque Country approved such documents in 1979, becoming the first regions to take this step. During the 1980s and 1990s, 15 other regions elaborated similar autonomy statutes. In Ukraine, the only territory that had its own legislative framework was Crimea, where in 1998 the Supreme Council of the region approved the Constitution of the Autonomous Republic of Crimea⁶.

The statutes of autonomy of the Spanish regions define the areas that may be under the exclusive competence of the region, the state or be under joint jurisdiction. The three

² La Contitución Española // The Government of Spain, 1978. URL: http://www.lamoncloa.gob.es/documents/constitucion_es1.pdf (accessed: 30.09.2024)

³ The Constitution of Ukraine // The Council of Europe, 1996. URL: <https://rm.coe.int/constitution-of-ukraine/168071f58b> (accessed: 30.09.2024)

⁴ La Contitución Española // The Government of Spain, 1978. URL: http://www.lamoncloa.gob.es/documents/constitucion_es1.pdf (accessed: 30.09.2024)

⁵ The Constitution of Ukraine // The Council of Europe, 1996. URL: <https://rm.coe.int/constitution-of-ukraine/168071f58b> (accessed: 30.09.2024)

⁶ The Constitution of the Autonomous Republic of Crimea // Legislature of the CIS countries, 1996. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=17752 (accessed: 01.10.2024)

«historical autonomies» – Catalonia, the Basque Country and Galicia – are endowed with the highest level of self-government. The documents also enshrine the possibility of transferring new competences to the regions, making the format flexible and evolving.

Thus, Ukraine failed to establish a balanced system of territorial organization with good conditions for the harmonious development of Russian-speaking regions in the south-east of the country. The social unrest in Kiev in 2013–2014, provoked by the Western countries, was not supported by the Autonomous Republic of Crimea and the regions of Donetsk and Lugansk.

In March 2014 Crimea became part of Russia, which increased security of the peninsula. However, with regard to the other two regions, Ukrainian President Petr Poroshenko chose the path of an armed struggle instead of a peace settlement and the application of the Spanish experience. In 2019 Vladimir Zelensky came to power. The Ukrainian population had «hopes that he would solve key problems in foreign and domestic policy» [1]. Zelensky failed to achieve success, the shelling of civilians in the Donetsk People’s Republic and the Lugansk People’s Republic continued. This situation led Russia to launch the Special Military Operation in February 2022 aimed at demilitarizing and denazifying Ukraine.

At the same time, in Spain, despite its unitary structure, a more developed system of interaction with the regions has been formed. It has elements of a federation. Nevertheless, the established mechanisms did not find a complete solution to the regional crises. Catalan and Basque nationalists remain dissatisfied with the existing territorial organization of the Kingdom. However, both regions seek to reach their goals within the legal mechanisms without resorting to aggressive methods. Due to the increased role of the parties that represent both communities in the Congress of Deputies,

the authorities of the two regions have gained additional opportunities to influence the center in order to expand their self-governance.

POLITICAL CHALLENGES OF SPANISH COALITIONAL GOVERNMENT

One of the main characteristics of the ruling PSOE-Sumar bloc is the existence of a wide network of agreements with parties of different ideologies. In addition to cooperation with the nationalist forces of Catalonia (RLC and Together for Catalonia) and the Basque Country (BNP and EH Bildu), the Socialists have formed a partnership with the Canary Coalition movement representing the Canary Islands. This ideological diversity could give the Government an advantage over the right-wing forces. The coalition includes five regional parties, while the two opposition forces – the conservative People’s Party (PP) and the right Vox – take a hardline stance on decentralized governance and oppose the empowerment of autonomies. In this regard, none of the ruling coalition partners of the left will be willing to side with the right-wing bloc in Parliament.

The Pedro Sanchez government formed in 2023 faces a number of structural challenges in two key areas: relations with the regions and geopolitical instability in the European area.

Starting to analyze the domestic political challenges, it is worth highlighting the persistent tensions with the autonomies, especially Catalonia and the Basque Country. Catalonia is at the forefront of territorial debates. The dynamics of its interaction with the center affects the internal political stability and the efficiency of the Spanish government. It is explained by the dependence of the PSOE-Sumar bloc on the nationalist parties of the region in the Congress of Deputies.

The two most pressing Catalan issues are the region’s tax powers and amnesty for Catalan politicians involved in the 2017

unconstitutional referendum on the status of the autonomy. Catalonia seeks to gain control over its own finances and tax collection [2]. Giving the region such competence would weaken the national system of taxes, pensions and benefits. It would be an additional incentive for the growth of anti-Catalan and possibly anti-government sentiment in the rest of Spain.

In terms of amnesty for Catalan politicians, the regional authorities have managed to achieve some success. In May 2024 the Congress of Deputies approved an amnesty law⁷ allowing pro-independence leaders, that are hiding abroad, to return to Spain. Nevertheless, this concession to the nationalists is causing resentment among residents of other regions of the Kingdom. These actions could be perceived as an attempt by the PSOE-Sumar coalition to hold on to power. In this regard, the further dynamics in relations with Catalonia and the implementation of the amnesty law will determine the public discourse in the medium term. In the long term, success or failure in this direction may become a factor in the election campaign, which is scheduled for 2027.

In addition, the Basque forces also have leverage over the activities of the central government. Thus, the BNP and the more radical EH Bildu can also use their position in the Congress of Deputies to obtain privileges while witnessing how the Catalan authorities are getting broad concessions from the government [3].

It is important to underscore that in both Catalonia and the Basque Country, inter-party competition persists between the RLC and Together for Catalonia, and between the BNP and EH Bildu respectively. The lack of unified approaches among nationalist parties

may complicate the development of a common strategy of relations with the center.

In the current situation, the P. Sanchez government has to focus on building trust of the electorate. Obviously, the fight against corruption and modernization of public administration will also be on the agenda, but the main internal political task of the PSOE-Sumar bloc will be to create national harmony in the context of the Catalan crisis while maintaining the support of nationalists in Parliament.

The internal challenges of the Socialist coalition are accompanied by a complicated geopolitical environment that also requires resources. At the level of the European Union, Spain missed an opportunity to give stimulus to the EU's relations with Latin America. In particular, during its presidency of the Council of the European Union from July 1 to December 31, 2023, Madrid's actions did not lead to progress in finalizing and approving the EU agreement with the Mercosur trade bloc. The parties reached an agreement in principle in 2019.

Spain has a traditionally positive diplomatic influence in the Ibero-American area, as well as in North African countries and in the Mediterranean. In this context, the Socialist government aims to gain a stronger role in shaping European foreign policy and move closer to the dominant positions of France and Germany in determining the course of the EU.

The external environment is also a constraint on domestic development. For example, the growing number of unilateral anti-Russian restrictions by Brussels, which are damaging the economies of European countries, and the need for the EU states to follow «Euro-Atlantic solidarity» with the United States in terms of allocating funds to support Ukraine make it difficult for Spain to solve its own

⁷ Ley de Amnistía: cuándo y cómo entra en vigor en España y qué delitos se eliminan // La Razón, 30.05.2024. URL: https://www.larazon.es/espana/ley-amnistia-cuando-como-que-entra-vigor-espana_20240530665835dce73ed6000142bd17.html (accessed: 27.09.2024)

socio-economic problems left in the wake of the coronavirus pandemic.

SOCIO-ECONOMIC CHALLENGES ON THE AGENDA IN SPAIN

In 2023 the Spanish economy showed significant growth relative to the performance of other EU countries. For example, the Kingdom's GDP grew by 2.5% compared to the 0.4% average for the eurozone. Moreover, there are positive forecasts for the expansion of the Iberian economy. According to the Bank of Spain, the GDP increase could be around 1.9% in 2024⁸ and 2025. Nevertheless, it is important to distinguish that in a broader context, the Spanish economy faces structural challenges.

The European Commission experts estimate that the high GDP growth in 2023 was achieved through a strong labor market, exports and government spending. With interest rates being high, overall investment growth was low, especially in the second half of the year. This primarily affected equipment as well as housing construction. In the first quarter of 2024, real GDP grew by 0.7% compared with the same three-month period of the previous year, mainly due to exports⁹.

The Bank of Spain's 2023 report¹⁰ published in April 2024 underscored that the main challenges for the Kingdom's economy are low labor productivity and low employment. Labor productivity per hour in Spain since 2008 remains 10-15% lower than in the eurozone. The Central Bank named human capital as one of

the main constraints to productivity, as the level of education of the Spanish population remains below the European average. Raising the quality of human capital requires a restructuring of the education system. Madrid will need to spend additional funding on skills development, adapting course offerings to market demand and expanding the dual vocational training programs.

In addition, there is a lack of innovative firms in the country, whereas spending on research, development and innovation is low. Therefore, there is a need to boost corporate innovation by increasing the effectiveness of tax incentives for R&D. The quality of public institutions and the confidence of economic agents in them are also important determinants of long-term growth. Indicators of quality and trust in governmental institutions in Spain have declined since the 2007-2008 financial crisis.

The Kingdom continues to face the problem of high unemployment. According to the Bank of Spain, at the end of 2023, 65.9% of the working-age population was officially employed, 4.5% below the eurozone level. At the same time, the unemployment rate is around 12%. It is important to note that despite the decrease of this indicator in recent years, it is still twice as high as in the European Union (5.9%)¹¹.

As emphasized by the experts of the European Commission, in 2023, employment in the Kingdom grew by 3.2%, helped by continued high migration flows. The unemployment rate,

⁸ The main challenges facing the Spanish economy and how to tackle them // Bank of Spain, 30.04.2024. URL: <https://www.bde.es/wbe/en/noticias-eventos/blog/cuales-son-los-principales-retos-de-la-economia-espanola-y-como-hacerles-frente-.html> (accessed: 25.09.2024).

⁹ Economic forecast for Spain. The latest macroeconomic forecast for Spain // European Commission, 15.05.2024. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/economic-surveillance-eu-economies/spain/economic-forecast-spain_en (accessed: 26.09.2024)

¹⁰ The Bank of Spain annual report 2023 // The Bank of Spain. URL: https://www.bde.es/f/webbe/SES/Secciones/Publicaciones/PublicacionesAnuales/InformesAnuales/23/Files/InfAnual_2023_En.pdf (accessed: 27.09.2024)

¹¹ The Bank of Spain annual report 2023 // The Bank of Spain, 2024. URL: https://www.bde.es/f/webbe/SES/Secciones/Publicaciones/PublicacionesAnuales/InformesAnuales/23/Files/InfAnual_2023_En.pdf (accessed: 27.09.2024)

according to forecasts, will continue to decline, reaching 11.6% in 2024 and 11.1% in 2025¹².

The problem of high unemployment, typical of the Spanish labor market, exists alongside other challenges faced by developed economies. The first of them is technological progress associated with the growth of robotics and artificial intelligence. The Spanish Central Bank estimates that these factors will change the organization of labor. They will give a boost to its productivity, but may negatively affect employment in some sectors. The second challenge is the ageing of the population, which will have a negative impact on employment, activity and productivity levels. The issue of ageing is a consequence of declining birth rates and rising life expectancy. Over the past century, the average age of workers in Spain has increased by six years, from 37.5 to 43.5¹³.

In the long term, the ageing population will affect public finances, especially as pension costs increase. A new reform of the pension system in Spain was implemented between 2021 and 2023. Nevertheless, the estimates presented in the CB report show that the larger long-term spending commitments will not be fully offset by the revenues generated.

In response to these issues, priority should be given to revising labor market policies. The country needs measures to improve employment opportunities. They are a tool to overcome the challenges from technological

change and to support ageing workers. In turn, unemployment benefits should provide adequate protection for the unemployed and stimulate labor mobility. In particular, job contracts should give a certain degree of flexibility so that employment conditions (including working hours) can be adapted to the individual needs of companies.

The Central Bank's report also analyzes the fiscal imbalance and high public debt of the Kingdom. These parameters, according to the authors of the report, are «the most vulnerable aspects of the Spanish economy». Thus, at the end of 2023, public debt to GDP was at a historically high level of 108%, which is about 10% higher than the level before the coronavirus pandemic and more than 30% higher than the eurozone average¹⁴.

In addition, the fiscal deficit has continued to grow since COVID-19, rising from 3.1% of GDP in 2019 to 3.7% in 2023. The International Monetary Fund estimated that the ratio will decline to 3.0% in 2024 as measures related to support the population due to rising energy prices will be almost completely phased out to near 0.9% of GDP¹⁵.

The government budget deficit is expected to fall to 2.8% in 2025 if the same policies are maintained. The reduction will be supported by savings from the phasing out of the remaining energy price controls. However, these savings will be partially offset by higher spending on social benefits¹⁶.

¹² Economic forecast for Spain. The latest macroeconomic forecast for Spain // European Commission, 15.05.2024. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/economic-surveillance-eu-economies/spain/economic-forecast-spain_en (accessed: 26.09.2024)

¹³ The main challenges facing the Spanish economy and how to tackle them // The Bank of Spain, 30.04.2024. URL: <https://www.bde.es/wbe/en/noticias-eventos/blog/cuales-son-los-principales-retos-de-la-economia-espanola-y-como-hacerles-frente-html> (accessed: 25.09.2024)

¹⁴ The Bank of Spain annual report 2023 // The Bank of Spain. URL: https://www.bde.es/f/webbe/SES/Secciones/Publicaciones/PublicacionesAnuales/InformesAnuales/23/Files/InfAnual_2023_En.pdf (accessed: 27.09.2024)

¹⁵ IMF Executive Board Concludes 2024 Article IV Consultation with Spain // International Monetary Fund, 06.06.2024. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2024/06/05/pr-24207-spain-imf-executive-board-concludes-2024-article-iv-consultation> (accessed: 02.10.2024)

¹⁶ The Bank of Spain annual report 2023 // The Bank of Spain. URL: https://www.bde.es/f/webbe/SES/Secciones/Publicaciones/PublicacionesAnuales/InformesAnuales/23/Files/InfAnual_2023_En.pdf (accessed: 27.09.2024)

As noted by experts at Banco Santander, one of the largest financial and credit groups in the country, the current socio-economic situation in the Kingdom emphasizes the need for a «fiscal consolidation plan to strengthen the sustainability of public finances» in the medium term. It should be based on economic, political and social consensus. The efficiency and allocation of public spending should be improved and optimized in order to promote sustainable and balanced economic growth. The plan should also be backed by a comprehensive overhaul of the tax system. To ensure that fiscal consolidation does not hinder economic growth, investment projects, including those financed by the NextGenerationEU Fund, should be segmented¹⁷.

According to analysts at BBVA, one of Spain's largest banking companies, an equally important problem is the existence of pockets of vulnerability among certain segments of the population. They are caused by difficulties in housing affordability. In particular, the cost of housing (especially rent) puts young people and immigrants in an economically weakened position. Spain is a country with a high percentage of renters at risk of «poverty or social exclusion»¹⁸.

Measures taken to address this problem should involve different levels of government and aim to stimulate the housing supply market, especially in the rental segment. Some

short-term steps, such as price controls, may have a negative impact on supply in the medium term.

Another urgent challenge for the Spanish economy is the fight against climate change and the implementation of green transition. Experts of the Central Bank of the Kingdom call for the adoption of a «mitigation strategy that should be ambitious, orderly and predictable»¹⁹.

The regulator's report also notes that in 2021–2023 the banking sector has demonstrated resilience to all kinds of instabilities. It is emphasized that banks should take advantage of their high profitability to enhance solvency²⁰. This will help preserve their intermediation capacity in case of new shocks. Banks should also continue to address many medium- and long-term challenges they face, not only those related to technological transformation and climate change.

Regarding indicators that show the rise in the general price level, it is important to note that core inflation fell to 3.4% in 2023, helped by a sustained slowdown in energy price rises. Inflation is projected to reach 3.1% in 2024, with continued easing of price pressures from non-energy and food sectors²¹. At the same time, the gradual abolition of most government measures to mitigate the effects of high energy prices is expected to accelerate inflation. In turn, the European Commission

¹⁷ Main risks and vulnerabilities of the Spanish economy // Banco Santander, January 2024. URL: <https://www.santander.com/en/press-room/insights/main-risks-and-vulnerabilities-of-the-spanish-economy> (accessed: 05.10.2024)

¹⁸ BBVA Research raises its growth forecast for Spain to 2.4 percent in 2023 while lowering its 2024 forecast to 2.1 percent // Banco Bilbao Vizcaya Argentaria, May 2024. URL: <https://www.bbva.com/en/economy-and-finance/bbva-research-raises-its-growth-forecast-for-spain-to-2-4-percent-in-2023-while-lowering-its-2024-forecast-to-2-1-percent/> (accessed: 06.10.2024)

¹⁹ The main challenges facing the Spanish economy and how to tackle them // The Bank of Spain, 30.04.2024. URL: <https://www.bde.es/wbe/en/noticias-eventos/blog/cuales-son-los-principales-retos-de-la-economia-espanola-y-como-hacerles-frente-html> (accessed: 25.09.2024)

²⁰ The Bank of Spain annual report 2023 // The Bank of Spain. URL: https://www.bde.es/f/webbe/SES/Secciones/Publicaciones/PublicacionesAnuales/InformesAnuales/23/Files/InfAnual_2023_En.pdf (accessed: 27.09.2024)

²¹ The Bank of Spain annual report 2023 // The Bank of Spain. URL: https://www.bde.es/f/webbe/SES/Secciones/Publicaciones/PublicacionesAnuales/InformesAnuales/23/Files/InfAnual_2023_En.pdf (accessed: 27.09.2024)

analysts expect a further decline in core inflation to 2.3% in 2025²².

The solution to the set of economic problems faced by the European Union and Spain requires serious political agreements. According to analysts at CaixaBank, one of the country's leading banking groups, the program of necessary economic reforms will have a greater effect if it is accompanied by further economic integration within the EU²³. The modern world is «more complex and interconnected than at the time of the creation of the single European market». In the current environment global economic and geopolitical competition is intensifying. According to the report by the Spanish Central Bank, the EU needs increased integration through the single market and via a broader economic and monetary union²⁴.

CONCLUSION

The PSOE-Sumar government formed in 2023 faces a combination of external and internal challenges, both economic and political. P. Sanchez's broad coalition of partners, which includes Catalan and Basque nationalist parties whose votes are essential for the success of governmental initiatives in the Congress of Deputies, is characterized by instability. Regional forces, especially those representing Catalonia, are demanding concessions on the empowerment of their autonomies in exchange for support.

The adoption in May 2024 of an amnesty law for Catalan politicians involved in the preparation of the 2017 referendum was the reason for growing public discontent in other areas of the Kingdom and a wave of criticism from the opposition. The key to medium-term success for the Socialist government will be maintaining a balance between flexible engagement with the autonomies and maintaining trust of the electorate in the rest of Spain. Despite the unstable position of the PSOE-Sumar bloc, the presence of parties from Catalonia and the Basque Country in the list of partners creates the potential for the development of balanced solutions that will also satisfy the interests of the two regions, where separatist sentiments traditionally persist. The direct participation of Catalans and Basques in the formation of the Kingdom's state policy may help weaken the ideas about secession from Spain.

The success of the state's foreign policy also depends on the stability of the ruling coalition and the predictable behavior of its partners in Parliament. Almost two years after its presidency of the Council of the EU in July-December 2023, Spain has opportunities to strengthen its historical position as an agent of European diplomacy in Latin America. In addition, Madrid can act as a mediator in resolving regional crises, particularly in the Middle East.

²² Economic forecast for Spain. The latest macroeconomic forecast for Spain // European Commission, 15.05.2024. URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/economic-surveillance-eu-economies/spain/economic-forecast-spain_en (accessed: 26.09.2024)

²³ The Spanish economy closes 2023 with a better rating than expected // CaixaBank Research, 17.01.2024. URL: <https://www.caixabankresearch.com/en/economics-markets/recent-developments/spanish-economy-closes-2023-better-rating-expected> (accessed: 07.10.2024)

²⁴ The Bank of Spain annual report 2023 // The Bank of Spain. URL: https://www.bde.es/f/webbe/SES/Secciones/Publicaciones/PublicacionesAnuales/InformesAnuales/23/Files/InfAnual_2023_En.pdf (accessed: 27.09.2024)

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жильцов С.С. Политический процесс на Украине. Современный этап. *Россия и новые государства Евразии*. 2020;2;9-20. DOI: 10.20542/2073-4786-2020-2-9-20.
2. Хенкин С.М. Испания. *Современное нестабильное общество*. Москва: Аспект Пресс; 2023. 384 с.
3. Вильчинский А.С. Особенности подходов Страны Басков и Каталонии к отношениям с Мадридом: сравнительный анализ. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2022;1;69-84.

REFERENCES:

1. Zhiltsov S.S. Political process in Ukraine. Present day. *Russia and new Eurasian States*. 2020;2;9-20. DOI: 10.20542/2073-4786-2020-2-9-20. (In Russ.)
2. Henkin S.M. Spain. Contemporary unstable society. Moscow: Aspect Press; 2023. 384 p. (In Russ.)
3. Vilchinskii A.S. Peculiarities of the approaches the Basque Country and Catalonia have to relations with Madrid: comparative analysis. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*. 2022;1;69-84. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Олег Г. Карпович

доктор юридических наук, доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия;
119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1;
iskran@yahoo.com

Oleg G. Karpovich

Doctor of Law, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia;
53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia;
iskran@yahoo.com

Политика Болгарии в Черноморском регионе с 2007 по 2023 годы

София Т. Цветанова

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия,

1032225912@pfur.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается черноморский вектор политики Болгарии после вступления страны в Европейский союз. Расширение ЕС на Восток в 2007 году изменило восприятие Черноморского региона как ключевого стратегического пространства, включая отношение самого Союза. Принятие Болгарии и Румынии в ЕС придало Черному морю статус «европейского моря», превратив его в восточную границу Союза. Это изменение подчеркнуло значимость региона в контексте европейской политики и безопасности. В статье анализируются основные направления внешней политики Болгарии в Черноморье, включая укрепление трансграничного сотрудничества, интеграцию в евроатлантические структуры и обеспечение морской и энергетической безопасности. Цель исследования заключается в определении роли и места Болгарии в регионе. Работа основана на анализе официальных документов и научных публикаций. В заключении делается вывод о возрастающей значимости Черноморского региона для Республики Болгария ввиду ее обязательств по защите внешних границ НАТО и ЕС, а также потенциала добычи энергетических ресурсов на континентальном шельфе. Официальная София рассматривает Черноморье в европейском и евроатлантическом контексте, стремясь углублять сотрудничество в области экономики, торговли и безопасности.

Ключевые слова: Черноморский регион, Болгария, политика, Европейский союз, Российская Федерация, геостратегические интересы, геополитика

Для цитирования: Цветанова С.Т. Политика Болгарии в Черноморском регионе с 2007 по 2023 годы. *Проблемы постсоветского пространства*. 2025;12(1):73–82. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-1-73-82>

Поступила 21.01.2025

Принята в печать 23.02.2025

Опубликована 30.03.2025

The Bulgarian Policy in the Black Sea region from 2007 to 2023

Sofiya T. Tsvetanova

*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia,
1032225912@pfur.ru*

Abstract: This article reviews the Black Sea policy vector of Bulgaria after its admission to the European Union. EU enlargement to the East in 2007 changed the views of the Black Sea region as a key strategic point, including the attitude of the Union itself. The accession of Bulgaria and Romania to the EU gave the Black Sea a status of «European sea», making it the eastern border of the Union. This change underlined the importance of the region in the context of European policy and security. The article analyzes the main areas of foreign policy of Bulgaria in Black Sea, including strengthening cross-border cooperation, integration into the Euro-Atlantic structures and ensuring maritime and energy security. The aim of the study is to determine the role and place of Bulgaria in the region. This paper is based on the analysis of official documents and scientific publications. The conclusion reached was that the Black Sea region is of increasing importance for the Republic of Bulgaria due to its obligations to protect the external borders of NATO and the EU, as well as the potential of energy resources extraction on the continental shelf. Officially Sofia considers the Black Sea in the context of European and Euro-Atlantic interest, seeking to deepen the cooperation in the fields of economy, trade and security.

Key words: Black Sea region, Bulgaria, politics, European Union, Russian Federation, geostrategic interests, geopolitics

For citation: Tsvetanova S.T. The Bulgarian Policy in the Black Sea region from 2007 to 2023. *Post-Soviet Issues*. 2025;12(1):73–82. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-1-73-82>

Received 21.01.2025

Revised 23.02.2025

Published 30.03.2025

INTRODUCTION

The Black Sea region is a geopolitical crossroads: between Europe and Asia, between Orthodoxy, Catholicism and Islam, between the West and the East. As a result of Bulgaria's membership in the European Union, the EU's coastal borders extend from the French Atlantic to the Bulgarian Black Sea. The political tensions in the region are due to intertwining interests of the main players - Russia, USA, Turkey, EU and NATO [1]. From the six

countries bordering the Black Sea, two are members of the European Union (Bulgaria and Romania), two are EU candidate countries (Georgia and Turkey) and three of which are NATO member states (Turkey, Bulgaria, and Romania) while some of the rests are considering NATO membership.

Crucial aspects for the Republic of Bulgaria are the strengthening of NATO and the EU's role in ensuring security in the Black Sea

region, while additionally promoting the integration of countries in the region into European and Euro-Atlantic structures [2]. Bulgaria actively participates in the implementation of common security and defence policies of the European Union, acting within the framework of the Single European Security and Defence System under the auspices of NATO.

PARTICIPATION OF BULGARIA IN INTERNATIONAL PROJECTS

On 11 April 2007, following the accession of Bulgaria and Romania to the European Union, a document of the European Commission «Black Sea Synergy» was adopted, in which three key objectives were defined: development of relations with the Republic of Turkey, the countries of post-Soviet space and the Russian Federation¹.

In the same year, under the European Neighborhood Policy (ENP) programme, the European Union launched the Black Sea Basin Joint Operational Programme for the period 2007-2013². Afterwards this initiative was further continued in the form of two additional programs «Black Sea Basin 2014-2020»³ and «Black Sea Basin 2021-2027»⁴. Through which have been implemented 119 projects covering eight countries in the region: Armenia, Bulgaria, Greece, Georgia, Moldova, Romania, Turkey and Ukraine. Key priorities for the programs were and continue

to be the cross-border partnerships with goals to promote economic and social development, environmental protection, cultural and educational initiatives aimed at creating a common cultural environment in the Black Sea region.

Bulgaria actively participates in the execution of international projects in the Black Sea region. For example, in 2011, the country, in conjunction with Greece, Romania, Ukraine, Moldova and Italy (as an associate partner), participated in the project «Black Sea Regional Cooperation Network», which was aimed at supporting cross-border cooperation for economic and social development through the joint use of common resources⁵.

In 2013, Bulgaria, AGORA (Burgas) Platform, Greece and Ukraine initiated the project «Black Sea Areal for Culture and Art». Funding was provided under the 2007-2013 Joint Operational Programme of the Black Sea Basin. The strategy focused on cultural cooperation and the establishment of a Black Sea Cultural Centre in cities such as Comotini, Burgas and Odessa. As a result, this strengthened the transnational cultural environment for education and cultural exchange between EU member countries and candidates from the Black Sea region⁶.

Key factor for the Republic of Bulgaria in the Black Sea region was to manage a balance between the strategic foreign policy priorities of the country and the alliance commitments

¹ Communication from the Commission to the Council and the European Parliament black sea synergy - A new regional cooperation initiative URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/BG/TXT/PDF/?uri=CELEX:52007DC0160> (accessed: 18.11.2024)

² Joint Operational Programme «Black Sea Basin 2007-2013». Republic of Bulgaria. Ministry of Regional Development and Public Works. Official website. URL: <https://www.mrrb.bg/bg/infrastruktura-i-programi/period-2007-2013/chernomorski-basejn/> (accessed: 18.11.2024)

³ Black Sea Basin 2014-2020. Interreg NEXT Black Sea Basin. URL: <https://www.blacksea-cbc.net/eni-cbc-bsb-2014-2020> (accessed: 18.11.2024)

⁴ Interreg Next Black Sea Basin 2021-2027. Republic of Bulgaria. Ministry of Regional Development and Public Works. Official website. URL: <https://www.mrrb.bg/bg/infrastruktura-i-programi/programi-za-teritorialno-sutrudnichestvo-2021-2027/interreg-next-chernomorski-basejn-2021-2027/> (accessed: 18.11.2024)

⁵ The BlasNet project «Black Sea Network for Regional Cooperation» URL: <https://www.rapiv.org/bg/product/18--proekt-blasnet-ernomorska-mreja-za-regionalno-sytrudniestvo/> (accessed: 18.11.2024)

⁶ Black Sea Areal for Culture and Art. Platform AGORA. Active Communities for Development Alternatives. URL: <https://www.agora-bg.org/bg/project/basaca.html> (accessed: 18.11.2024)

towards NATO and the EU [3]. In 2008, the Government adopted a project approved on the Concept for improvement of maritime security in the Black Sea region «Synergy of partnership efforts»⁷ aimed at enhancement maritime security in the Black Sea region. Within the framework of this project, it was decided to appoint an ambassador tasked with special missions in regards to issues located in the Black Sea region and a national coordinator for regional cooperation⁸. These actions were aimed at further developing interaction and expanding links between remote geographical regions with a view to ensuring stability, sustainable development and efficient resource mobilization.

In 2009, the Minister of Foreign Affairs of Bulgaria Ivailo Kalfin noted that the state, in collaboration with Germany, and in close coordination with Greece and Romania, supported the project «Black Sea Synergy»⁹. This initiative provided a platform for further discussions in the EU on regional policy perspectives. The main focus was to reinforce the EU's role in the Black Sea region and fulfilling the special responsibilities of Bulgaria as an external border of the EU and NATO. The functional expansion of the Burgas Maritime Transport Monitoring and Information Exchange Centre among member countries were also discussed.

BULGARIAN POLICY IN THE BLACK SEA REGION

One of the key mechanisms for the study of Sofia's policy in the Black Sea region is the analysis of official documents defining the foreign policy and defence course of the country - the National Security Strategy of the Republic of Bulgaria and the National Defence Strategy.

The 2011¹⁰ National Security Strategy identified terrorism and extremism as the main threats to the country's security. The Black Sea region has been reviewed in a broad European and Euro-Atlantic context, which underlines the desire of Bulgaria to develop cooperation in the fields of economy, trade and security. Special attention is paid to the country's obligations to protect the external borders of NATO and the EU. Bulgaria's goal to actively participate in the improvement of bilateral and multilateral relations aimed at ensuring stability and security in the region.

The 2011¹¹ National Defence Strategy complements provisioning of the Security Strategies by clarifying the number of risks and opportunities for the region. Thus, the document noted that current conflicts and terrorist organizations are destabilizing factors. It is also stressed that the importance of the Black Sea region for international security,

⁷ Draft Decision on Approval of the Concept for Strengthening Maritime Security in the Black Sea Region "Synergy of Partners' Efforts". Republic of Bulgaria. Council of Ministers. Public Consultations Portal. URL: <https://new.strategy.bg/bg/pris/legal-information/protokolni-reseniia/47634> (accessed: 18.11.2024)

⁸ On the appointment of an ambassador for special assignments on the problems of the Black Sea region and on the appointment of a special coordinator - national coordinator for the regional cooperation council. Republic of Bulgaria. Council of Ministers. Public consultation portal. URL: <https://new.strategy.bg/bg/pris/legal-information/reseniia/36263> (accessed: 18.11.2024)

⁹ Kalfin I. State and prospects for the development of Southeast Europe. Analysis Edition - International Politics and Security. URL: https://www.expert-bdd.com/index.php?option=com_content&view=article&id=846:-----&catid=14&Itemid=39 (accessed: 18.11.2024)

⁹ Kalfin I. State and prospects for the development of Southeast Europe. Analysis Edition - International Politics and Security. URL: https://www.expert-bdd.com/index.php?option=com_content&view=article&id=846:-----&catid=14&Itemid=39 (accessed: 18.11.2024)

¹⁰ National Security Strategy of the Republic of Bulgaria. Republic of Bulgaria. Council of Ministers. Public Consultations Portal. 08.03.2011. URL: <https://www.strategy.bg/StrategicDocuments/View.aspx?Id=671> (accessed: 18.11.2024)

¹¹ National Defence Strategy. Republic of Bulgaria. Council of Ministers. Public Consultations Portal. 14.04.2011. URL: <https://www.strategy.bg/strategicdocuments/View.aspx?lang=bg-BG&Id=697> (accessed: 18.11.2024)

including the interests of Bulgaria, increases due to its strategic role as a link between Europe, the Middle East and Asia.

The coup d'état in Ukraine and the addition of Crimea to the Russian Federation in 2014 changed the geopolitical situation of the Black Sea region. This in turn, caused the Western countries to impose sanctions on Russia in order to change its foreign policy. The West's sanctions policy further expanded after the launch of a special military operation (SOP) in February 2022. Since then, sanctions have become systemic for Russia. The West's support for Ukraine, both militarily and economically, cause it to become a party to the conflict [4]. Therefore, the countries of the Black Sea region have been involved in the deepening crisis between Russia and the EU, Russia and NATO, as well as Russia and the US, which is reflected in official documents [5].

In 2016, Turkey and Romania supported the strengthening of NATO on the Black Sea [6]. President of Turkey Recep Tayyip Erdoğan stated during a meeting with NATO Secretary General Jens Stoltenberg that «the Black Sea has almost become a Russian lake». «If we do not act now, history will not forgive us»¹². NATO Deputy Secretary-General Alexander Verbow also expressed support for the increased presence of NATO in the Black Sea region.

In Bulgaria during this period there was no consensus between President Rozen Plevneliev, Defence Minister Nikolai Nenchev and Prime Minister Boyko Borisov on what actions are to be taken by the country. As a result, on 17 June 2016 the parliament adopted a

declaration through which was announced that the Republic of Bulgaria will not participate in the creation of new military formations and military operations in the South-East Europe and Black Sea region¹³. This statement noted that Bulgaria supports all efforts to normalize and stabilize the situation in the Black Sea region while also being ready to participate actively in the formation and implementation of common positions and policies in regard to security and defence as an integral part of the union's rights and obligations within the EU and NATO. The state is opposed to any form of military confrontation in the region including the placement of weapons and armed forces on its territory.

Following the NATO summit in Warsaw on 8–9 July 2016, it was decided to deploy four multinational battalions in Poland, Lithuania, Latvia and Estonia [7]. Bulgaria received this decision as a cause which would lead to an increase in tensions on its eastern borders, indicating that the Russian side will not let these actions go unpunished. Moreover, the Parliament has declared the negative consequences of the summit's decisions for the country, as the delegation took on commitments which put Bulgaria at a disadvantage¹⁴. In this regard, the parliament rejected the proposition of Defence Minister Nikolai Nencheva to send a Bulgarian battalion in Romania and placing 5,000 US soldiers in the country. The representatives of the people recalled that Bulgaria is a republic with parliamentary rule, having demanded the resignation of the minister of defence. The people's representatives in addition condemned the actions of the Bulgarian

¹² Bulgaria Refused to Join NATO Black Sea fleet URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/06/2016/5762b5f89a79473154678cc9> (accessed: 09.12.2024)

¹³ Declaration of non-participation of the Republic of Bulgaria in new military formations and military actions in Southeastern Europe and the Black Sea region. 17.06.2016. National Assembly of the Republic of Bulgaria. URL: <https://www.parliament.bg/bills/43/654-03-6.pdf> (accessed: 09.12.2024)

¹⁴ Declaration of the National Assembly on the NATO Summit in Warsaw. National Assembly of the Republic of Bulgaria. URL: <https://www.parliament.bg/bills/43/654-03-9.pdf> (accessed: 09.12.2024)

President Rossen Plevneliev, who acted at that time, arguing that his militaristic position and desire to strengthen NATO's presence in the Black Sea region were detrimental to national interests of the country.

In 2016, the Republic of Bulgaria updated its National Defence Strategy¹⁵. This document emphasizes the growing role of the Black Sea region for the security of the international community, including Bulgaria. The strategic dialogue and partnership between the US, NATO and the EU with Russia is of particular importance in the fight against terrorism, as well as in matters of proliferation and arms control. The text further indicates that the uncertainty in maritime matters and the absence of agreements on demarcation between the Black Sea States pose a serious security threat. Therefore, Energy security remains an important element while the potential for energy production on the continental shelf of the Black Sea is seen as an additional strategic priority, reinforcing Bulgaria's commitment to protect NATO and EU borders. These provisions demonstrate the desire of Sofia to use geopolitical and resource advantages in order to strengthen its role in the region.

However, since 2018 Bulgaria has changed its foreign policy rhetoric. For example, the 2018 Updated National Security Strategy¹⁶ demonstrates the transformation of the country's intentions in the Black Sea region. From developing regional cooperation to expanding the role of NATO and the EU in ensuring security in the area while promoting the Processes of countries in the Black Sea region in European and Euro-Atlantic structures. The

2018 strategy focuses on frozen conflicts in the post-Soviet space, as well as changes in the geopolitical and military balance caused by the crisis in Ukraine and the accession of Crimea to the Russian Federation. The document emphasizes that the expansion of NATO's presence in the Black Sea region symbolizes the solidarity of the allies and their determination to protect the territory of the Alliance from potential threats. Bulgaria is actively participating in the implementation of the EU's common security policy, integrated into the Single European Security and Defence System within the framework of NATO.

The country considers the changes to the strategic military balance of power inside the Black Sea region after 2014 as a threat to its security [8]. In this regard, the state supports the reinforcement of NATO's military presence in Black Sea. In 2020, the Bulgaria-US Defence Road Map for 2020-2030¹⁷ was signed, one of whose priorities is to deepen the cooperation in the Black Sea region with a view to effectively containing and countering external threats and challenges.

On 25 November 2020, the report «NATO 2030: Unity in a New Era» was published¹⁸. The paper analyses current aspects of the Alliance's activities and threats to it while also providing recommendations for its member states. The report notes that in 2030 NATO should remain the basis of collective security for its members and a guarantor of stability in the Euro-Atlantic region. The current threats and priorities of the Alliance are also mentioned. First and foremost, it refers to Russia's

¹⁵ National Defense Strategy. Republic of Bulgaria. Council of Ministers. Public Consultations Portal. URL: <https://www.strategy.bg/strategicdocuments/View.aspx?lang=bg-BG&Id=1002> (accessed: 18.11.2024)

¹⁶ Updated National Security Strategy of the Republic of Bulgaria 2018. Republic of Bulgaria. Council of Ministers. Public Consultations Portal. URL: <https://www.strategy.bg/StrategicDocuments/View.aspx?Id=671> (accessed: 18.11.2024)

¹⁷ Bulgaria and the USA sign Roadmap 2020-2030 in the area of defence URL: <https://bntnews.bg/news/balgarriya-i-sasht-podpisaha-patna-karta-v-oblastta-na-otbranata-2020-2030-1077317news.html> (accessed: 18.11.2024)

¹⁸ NATO 2030: United for a New Era. NATO, 25.11.2020. URL: https://www.nato.int/nato_static_files2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (дата обращения: 09.12.2024)

policy. In this context, the improvement of operational compatibility for the armed forces of NATO member states, conduct of military exercises, bolstering cooperation in the spheres of cyberspace and outer space. As well as development of initiatives such as the «Extended Forward Presence» in Eastern and South-Eastern Europe, the Joint High Readiness Task Force, NATO BMD, program «4 to 30» and more¹⁹.

In May 2021, the Parliament of Bulgaria issued a declaration on the development of defence and security policy, and the contribution of Bulgaria to the realization of NATO's vision until 2030²⁰. In the document, the parliament called on the Bulgarian government as well as all state and local authorities to focus their efforts on overcoming the dependence on the Russian Federation in the fields of defence and energy. This Declaration also furthers Bulgaria's active participation in multinational forces inside Eastern Europe and the deployment of military contingents on its territory with the goal to enhance the country's defence capacity while building up solidarity within NATO and the EU.

In January 2022, the Bulgarian Ministry of Defence presented its position on fulfilling the country's commitments under the plans for a «Enhanced Forward Presence (EFP)» on the Eastern flank of NATO²¹. The statement acknowledges that Bulgaria considers its membership in NATO as the main guarantor of the

country's security, sovereignty and territorial integrity. In the framework of the initiative (EFP) in Eastern and South-Eastern Europe, measures have been taken in order to create conditions for a more visible NATO presence in the Black Sea region, additionally enhancing the capability and interoperability of Allies through joint exercises [9].

Bulgaria's stance is defined by the NATO position. In the same year, at the NATO summit²² in Madrid, decisions were taken to significantly strengthen the deterrent and defensive capacity of the Eastern flank of the Alliance, as well as to adopt a New Strategic Concept which emphasizes collective defence. According to the details of the paper, regions of the Western Balkans and the Black Sea were highlighted as key points of importance for NATO. The New Strategic Concept identified two major threats to the Alliance - Russia and terrorism in all its forms and manifestations.

Analyzing the reports on the implementation of Bulgaria's state budget from 2007 to 2022, there is a tendency to increase the military budget after 2018, with the largest amount being allocated in 2019 - 6,513.5 mln. Lev or 5.5% of GDP (for comparison - the smallest military budget for the period 2007-2022 was allocated in 2012 - 2 802.3 mln. Lev or 3.6% of GDP)²³. As per the studied data of «Military balance»²⁴ it appears that in 2020 Bulgaria increased its army from 31,300 active units

¹⁹ Aleshin A.A. NATO 2030 Report: What to Expect From the Alliance in the Coming Decade? URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (accessed: 09.12.2024)

²⁰ Declaration of the 45th National Assembly of the Republic of Bulgaria on the development of defense and security policy and Bulgaria's contribution to the realization of NATO Vision 2030. URL: https://www.parliament.bg/pub/plenary_documents/154-03-2_Proekt_na_deklaratsiya.pdf (accessed: 09.12.2024)

²¹ Answer to a question from the Member of Parliament, Associate Professor Atanas Slavov, to the Minister of Defense. Ministry of Defense of the Republic of Bulgaria. URL: <https://www.parliament.bg/pub/PK/46390247-154-06-162.pdf> (accessed: 09.12.2024)

²² Multilateral relations. NATO. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Bulgaria. URL: <https://www.mfa.bg/bg/3083> (accessed: 09.12.2024)

²³ Budget archive. Republic of Bulgaria. Ministry of Finance. Official website. URL: <https://www.minfin.bg/bg/1558> (accessed: 09.12.2024)

²⁴ The Military Balance. URL: <https://www.tandfonline.com/loi/tmib20> (дата обращения: 09.12.2024)

to 36,950. Furthermore the country's fleet was increased from 3,450 to 4,450 units.

As stated in the American magazine «The National Interest» with references to the information and analytical agency Epicenter²⁵, the rapprochement of Bulgaria and Russia has reached such a high point that the USA had to threaten sanctions against Sofia for its participation in the project «Turkish Stream». At this stage, Bulgaria is pursuing a policy aimed at achieving energy independence from the Russian Federation, although the President of Bulgaria has a different view. Rumen Radev argues that the Russian-Bulgarian relationship is of strategic importance for the country. According to the head of state, it is not only beneficial for Sofia to receive Russian gas directly through the pipeline laid on the bottom of the Black Sea while having access to the territory of Bulgaria, but it would also actively develop relations with Russia in regards to tourism, trade, agriculture and IT²⁶. Rumen Radev has consistently opposed the political isolation of Russia [10].

However, the Republic of Bulgaria is considering the use of hydrogen sulphide in the Black Sea region for the production of energy²⁷. In 2023, a bill related to the generation of electricity through wind power plants located on the maritime areas of the country was introduced²⁸. In 2024, Bulgaria expressed a desire to participate in the project «Green Energy Corridor», which involves the creation

of an undersea cable layout for the transmission of energy from renewable sources in the Caspian region via the Black Sea towards Europe²⁹. The program is based on an intergovernmental agreement signed between Azerbaijan, Georgia, Romania and Hungary [11]. Bulgaria's Minister of Energy, Vladimir Malinov, participated in the meeting regarding the Agreement on a Strategic Partnership for the Development and Transfer of Green Energy. The summit was held in Baku within the framework of the 29th session of the Conference of the Parties to the UN Framework Convention on Climate Change. The proposed design involves the construction of an underwater high-voltage power grid to connect Georgia and Europe. After completion a 1,155 km long cable will connect Romania, allowing South-East Europe and Romania to take advantage of increased export opportunities and trade electricity at hourly market prices.

CONCLUSION

Summing up the details, it could be noted that the geopolitical position of Bulgaria is shaping unique challenges and opportunities. The priority of the Black Sea region in the foreign policy of Bulgaria is demonstrated by the dedicated human resources capacity in key institutions of the MFA for conducting political dialogue. In 2023, the Directorate of «Eastern Europe and Central Asia» has 17 employees (for comparison – in the Directorate covering another region

²⁵ The National Interest: Not NATO and the USA, but Russia controls the situation in Ukraine. Epicenter: News, Analyses, Interviews, Comments. URL: <https://epicenter.bg/article/The-National-Interest--Ne-NATO-i-SASht-a-Rusiya-vladee-situatsiyata-v-Ukrayna/247623/11/35> (accessed: 09.12.2024)

²⁶ Rumen Radev: Bulgaria is interested in Russian gas directly, via the Black Sea. URL: <https://clubz.bg/64896-rumen-radev-balgarriya-ima-interes-ot-ruski-gaz-pryako-prez-chno-more> (accessed: 18.11.2024)

²⁷ The Black Sea energy project will begin operations, if there is funding. URL: <https://www.bloombergtv.bg/a/16-biznes-start/126783-proektat-za-energiva-ot-chno-more-shte-zaraboti-do-dve-godini-ako-ima-finansirane> (accessed: 18.11.2024)

²⁸ Draft law on renewable energy in marine areas. National Assembly of the Republic of Bulgaria. 04.12.2023. URL: <https://www.parliament.bg/bg/bills/ID/165251> (accessed: 18.11.2024)

²⁹ We expect green energy along the bottom of the Black Sea through a 1100-meter cable. Navigation Maritime Bulgare. URL: <https://www.maritime.bg/115916/> (accessed: 18.11.2024)

declared a priority – the Balkans – 25 employees)³⁰. As for the diplomatic missions abroad, their relatively high staffing additionally highlights the importance of the Black Sea Route compared to other regions³¹. The state seeks to strengthen its position in the Black Sea region, building upon strategic engagement with the EU and NATO while maintaining balanced relations with the key regional players.

Since 2018, against the backdrop changes in geopolitical environment, Sofia actively advocated for the further establishment of NATO's military-political presence in the region, which is supported by an increase in the military budget and army. At the same time, Bulgaria is striving for energy independence

by participating in international renewable energy projects.

Bulgaria plays an important role in the processes which are taking place in the region, particularly in the fields of security and energy. Thus, the country's competitive advantage is characterized by a combination of good relations with the EU, Turkey, the US and Russia, as this would allow it to play a significant role in ensuring stability and security in the Black Sea region. The effectiveness of Bulgaria's foreign policy will depend on its ability to adapt to new challenges, including changing military balance, climate change and the development of digital technologies.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Саченко В. Н. Модели региональной интеграции в Черноморском регионе на современном этапе: проблемы институализации. *Гуманитарные и юридические исследования*. 2015;4:21.
2. Арбатова Н. К., Кокеев А. М. Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией. ИМЭМО РАН. Москва: Весь Мир; 2020. 368 с.
3. Морозова Н. М., Яковлева Е.С. Особенности современного баланса сил в Черноморском регионе: военно-политический и экономический потенциал. *Парадигмы истории и общественного развития*. 2020;19:74.
4. Жильцов С. С. Политика России в условиях глобальной неопределенности: вызовы и возможности. *Проблемы постсоветского пространства*. 2023;10(1):8–16.
5. Айвазян Д. С. Актуальные тенденции взаимодействия прибрежных черноморских государств. *Современная Европа*. 2021;7:40.
6. Белобров Ю. Я. «Тень» НАТО над Черноморьем. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2020;1:101.
7. Уткин С. Варшавский саммит НАТО. *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. 2016;42(58):7.
8. Шумицкая Е.В. Болгария и Румыния: 10 лет в ЕС. Москва: ИМЭМО РАН; 2018. 96 с.
9. Трунов Ф. О. Эволюция сил передового развертывания НАТО к середине 2022 г. *Россия и современный мир*. 2022;4(117):114.
10. Подчасов Н. А. Отношения между Софией и Москвой на фоне внутриполитических процессов в Болгарии.

³⁰ Budget archive. Republic of Bulgaria. Ministry of Finance. Official website. URL: <https://www.minfin.bg/bg/1558> (accessed: 09.12.2024)

³¹ Aleksieva N. Bulgaria in the Black Sea Region – Regional Cooperation and Significance. *International Relations: Journal of Diplomacy, Politics and Economics*. URL: <https://spisaniemo.bg/българия-в-черноморския-регион-реги/> (accessed: 18.11.2024)

Научно-аналитический вестник
Института Европы РАН. 2023;5(35):20.

11. Алиев Р.А. Влияние концепции устойчивого развития на трансформацию

энергетической политики стран Каспийского региона. Вестник МГИМО-Университета. 2023;16(3):27.

REFERENCES:

1. Sadchenko V. N. Models of Regional Integration in the Black Sea Region at the Present Stage: Problems of Institutionalization. *Humanities and law research*. 2015;4:21. (In Russ.)

2. Arbatova N. K., Kokeev A.M., eds. Strategic Autonomy of the EU and Prospects for Cooperation with Russia. IMEMO RAS. Moscow. Ves' Mir; 2020. 368 p. (In Russ.)

3. Morozova N. M., Yakovleva E. S. Features of the modern balance of power in the Black Sea region: military-political and economic potential. *Paradigms of history and social development*. 2020;19:74. (In Russ.)

4. Zhiltsov S. S. Russian policy in the face of global uncertainty: challenges and opportunities. *Post-Soviet Issues*. 2023;10(1):8-16. (In Russ.)

5. Ayvazyan D. Current Trends in the Interaction Between the Black Sea Littoral States. *Contemporary Europe*. 2021;7:40. (In Russ.)

6. Belobrov Y. NATO's "Shadow" Over the Black Sea. *The Herald of the Diplomatic*

Academy of the MFA of Russia. Russia and the World. 2020;1:101. (In Russ.)

7. Utkin S. Warsaw NATO Summit. *European Security: Events, Assessments, Forecasts*. 2016;42(58):7. (In Russ.)

8. Shumitskaya E.V. Bulgaria and Romania: 10 years in the EU. Moscow. IMEMO; 2018. 96 p. (In Russ.)

9. Trunov F.O. Evolution of NATO Forward Deployment Forces by mid 2022. *Russia and the World in the 21st Century*. 2022;4(117):114. (In Russ.)

10. Podchasov N.A. Relations between Sofia and Moscow against the background of domestic political processes in Bulgaria. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. 2023;5(35):20. (In Russ.)

11. Aliev R.A. The Role of the Sustainable Development Concept in Shaping Energy Policy Transformations in the Caspian Region Countries. *MGIMO Review of International Relations*. 2023;16(3):27. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

София Т. Цветанова

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; 1032225912@pfur.ru

Sofiya T. Tsvetanova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia; bld. 6, Mikluho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia; 1032225912@pfur.ru